

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН АНТОНОВИЧ
ДЕЛЪВИГ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

im WERDEN-VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2002

Портрет Дельвига работы В. П. Лангера. 1829. Рисован карандашом. Хранится в ИРЛИ

Антон Антонович
ДЕЛЬВИГ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Текст печатается по изданию:
А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений. Л. 1959, С. 61-256.
(Большая серия Библиотеки поэта)

Набор: Отдел Машинного фонда русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Андрей Никитин-Перенский «Библиотека "ImWerden"»

Вычитка и корректура: Андрей Никитин-Перенский «Библиотека "ImWerden"»

© «Im-Werden-Verlag». Составление и оформление. 2003

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА 1812-1817

Русская песня («Как разнесся слух по Петрополю...»)	9
«От вод холмистых средиземных...»	9
«Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья...»	10
«Настанет час ужасной брани...»	11
Пиит и эхо	12
Эпитафия («Прохожий, здесь не стой! беги скорей, уйди...»)	12
Стихи на рождение В. К. Кюхельбекера	13
Аполог	13
К голубку	14
К Диону	14
К Лилете («Лилета, пусть ветер свистит и кверху метелица вьется...»)	15
Эпиграмма («Поэт надутый Клит...»)	16
Хлоя	16
Первая встреча	17
К поэту-математику	18
На взятие Парижа	22
На смерть кучера Агафона	24
Тихая жизнь	24
Бедный Дельвиг	25
Подражание 1-му псалму	25
В альбом княжне Волконской («Сестрица! можно ли пре-лестную забыть...»)	26
Переводчику Диона	26
Эпитафия («Что жизнь его была? Тяжелый сон...»)	27
Мои четыре возраста	27
Любовь	27
К А. С. Пушкину («Как? житель гордых Альп, над бурями парящий...»)	28
Надпись к моему портрету	29
К А. М. Т-й	29
Близость любовников	29
К Лилете (Зимой) («Так всё исчезло с тобой! Брожу по колени в сугробах...»)	30
К Амуру	30
Досада	31
Цефиз	31
Застольная песня («Други, други! Радость...»)	32

К фантазии	32
Богиня Там и бог Теперь (к Савичу)	35
Дифирамб («Други, пусть года несутся...»)	37
Жаворонок	38
Элизиум поэтов	38
Разговор с Гением	40
К К. Т. В. («К чему на памятном листе мне в вас хвалить...»)	42
Фани	42
К мальчику	42
Хата	43
Вакх	43
К Темире	44
Тленность	44
К Т-ву	45
Поляк	46
К Дориде	49
К К. Г.	49
Пушкину («Кто, как лебедь цветущей Авзонии...»)	50
Дифирамб («Либер, Либер! я шатаюсь!..»)	50
На смерть Державина	51
Переменчивость (К Платону)	52
Прощальная песня воспитанников Царскосельского лицея	52
К Пущину	54
К А. Д. Илличевскому («Пока поэт еще с тобой...»)	54
К Шульгину	55
К Кюхельбекеру («И будет жизнь не в жизнь и радость мне не в радость...»)	56
Триолет К. Горчакову	57
К друзьям («Я редко пел, но весело, друзья...»)	57
В альбаум	57

СТИХОТВОРЕНИЯ 1817-1831 ГОДОВ

А. С. Пушкину (Из Малороссии) («А я ужель забыт тобою...»)	58
Призвание	59
«В сей книге, в кипе сей стихов...»	59
К Е. А. Кильштетовой («Я виноват, Елена! перед вами...»)	60
Моя хижина	61
Осенняя картина	61
К Илличевскому (в Сибирь) («Я благотворности труда...»)	62

Утешение бедного поэта	63
Эпитафия («Прохожий! здесь лежит философ-человек...»)	65
Песня («Как ни больно сердца муки...»)	65
В день моего рожденья	65
Е. А. Б-вой («Когда Амур еще был вашим богом...»)	66
К Евгению («За то ль, Евгений, я Гораций...»)	67
«Друзья, поверьте, не грешно...»	68
Видение (Кюхельбекеру) («В священной роще я видел пре-лестную...»)	68
Надпись на статую флорентийского Меркурия	71
Купидону	71
Хор из Колиновой трагедии «Поликсена»	71
Поэт («Что до богов? Пускай они...»)	72
Успокоение	73
Переводчику Вергилия	73
Ф. Н. Глинке	73
Евгению («Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела)...»)	73
Лекарство от несчастий	74
Романс («Проснися, рыцарь, путь далек...»)	75
Эпиграмма рецензенту поэмы «Руслан и Людмила»	76
Песня («„Дедушка! — девицы...”»)	76
Ответ («Зачем на меля ты и глупость и злобу...»)	77
К ласточке	78
Эпитафия («Завидуйте моей судьбе...»)	79
Русская песня («Ах ты, ночь ли...»)	79
Крылову	80
Гений-хранитель	80
В альбом П. А. Спа-кой	81
Романс («Сегодня я с вами пирую, друзья...»)	82
К Е. («Ты в Петербурге, ты со мной...»)	82
Дифирамб («О радость, о радость, я жизнью бывалою...»)	84
Домик	85
Дамон (Идиллия)	85
На смерть собачки Амики	88
В альбом («О сила чудной красоты!..»)	88
Музам	89
Подражание Беранже	89
Луна	90
Н. И. Гнедичу	91
На смерть ***	91

Элегия («Когда, душа, просилась ты...»)	91
Романс («Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане...»).....	92
В альбом Б. («У нас, у небольших певцов...»)	93
Петербургским цензорам	93
Застольная песня («Ничто не бессмертно, не прочно...»)	94
(19 октября 1822)	94
Вдохновение (сонет)	95
Н. М. Языкову (сонет)	95
Сонет («Златых кудрей приятная небрежность...»).....	96
Сонет («Я плыл один с прекрасною в гондоле...»).....	96
«София, вам свои сонеты...»	97
Роза	97
Жалоба	97
К А. Е. И.....	98
«До рассвета поднявшись, извозчика взял...»	98
К Морфею	99
К Софии («За ваше нежное участие...»)	100
«Анахорет по принуждению...»	100
К ошейнику собачки Доминго	101
К птичке, выпущенной на волю	101
Романс («Вчера вакхических друзей...»)	101
Романс («Не говори: любовь пройдет...»)	102
Романс («Прекрасный день, счастливый день...»).....	102
Романс («Только узнал я тебя...»).....	103
С. Д. П-ой («В Испании Амур не чужестранец...»)	103
Русская песня («Голова ль моя, головушка...»)	104
Русская песня («Что, красотка молодая...»)	105
Русская песня («Скучно, девушки, весною жить одной...»)	105
Русская песня («Пела, пела пташечка...»)	106
Песня («Наяву и в сладком сне...»)	107
Романс («Друзья, друзья! я Нестор между вами...»).....	107
Разочарование	108
«Твой друг ушел, презрев земные дни...»	108
Мы	109
Эпитафия («Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой...»).....	109
Купальницы (Идиллия)	109
19 октября 1824	112
«Федорова Борьки...»	113
В альбом С. Г. К-ой	113

Две звездочки	113
19 октября 1825	114
Русская песня («Соловей мой, соловей...»)	115
Друзья (Идиллия)	115
В альбом А. Н. В-ф	117
«Снова, други, в братский круг...»	118
Утешение	118
Смерть	118
Эпиграмма («Свиток истлевший с трудом развернули. Напрасны усилья...»)	118
А. Н. Карелиной	119
На смерть В-ва	119
Сонет («Что вдали блеснуло и дымится...»)	119
Идиллия («Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов...»)	120
«Хвостова кипа тут лежала...»	120
«Друг Пушкин, хочешь ли отведать...»	120
«Я в Курске, милые друзья...»	120
Хор для выпуска воспитанниц Харьковского института	121
В альбом Е. П. Щербининой	121
Конец золотого века (Идиллия)	122
Русская песня («И я выйду ль на крылечко...»)	126
Русская песня («Как за реченькой слободушка стоит...»)	126
Сон	127
Русская песня («Сиротинушка девушка...»)	128
Эпилог	128
Русская песня («По небу...»)	128
Отставной солдат (Русская идиллия)	129
Изобретение ваяния (Идиллия)	133
К П*** при посылке тетради стихов	135
«Увижу ль вас когда-нибудь...»	135
Четыре возраста фантазии	135
«Не осенний частый дождичек...»	135
Грусть	136
Малороссийская песня	136
Русская песня («Как у нас ли на кровельке...»)	137
Слезы любви	137
Удел поэта	137
«За что, за что ты отравила...»	138
Поэт («Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли...»)	138
«Смерть, души успокоенье...»	139

НАБРОСКИ, ОТРЫВКИ И СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

Русская песня («Я вечер в саду, младшенька, гуляла...»)	140
«Пусть нам даны не навсегда...»	140
«Удались, ты также все сияешь...»	140
«От души ль ты, господин служивый...»	141
«На теплых крыльях летней тьмы...»	141
«Мы весело свои кончали дни...»	142
«И вещего баяна опустили...»	142
«Когда крылом воображенья...»	142
«Певец Онегина один...»	142
«Нет, я не ваш, веселые друзья...»	142

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком...»	143
Певцы 15 класса	143
Элегия на смерть Анны Львовны	144
«Наш приятель, Пушкин Лёв...»	145

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ДЕЛЬВИГУ

На игру артистки госпожи Колосовой, м<ладшей>	146
---	-----

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

Медея. Действие II	147
Макковей. Акт III	157

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рождение Леля. Песни молодого баяна	159
Ночь на 24 июня	161

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА
1812-1817

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Взошли варвары иноземныи.
То услы́хавши, отставной сержант
Подозвал к себе сына милого,
Отдавал ему свой булатный меч
И, обняв его, говорил тогда:
«Вот, любезный сын, сабля острая,
Неприятелей разил коей я,
Бывал часто с ней на сражениях,
Умирать хотел за отечество
И за батюшку царя белого.
Но тогда перестал служить,
Как при Требио каленó ядро
Оторвало мне руку правую.
Вот тебе еще копье меткое,
С коим часто я в поле ратовал.
Оседлай, мой друг, коня доброго,
Поезжай разить силы вражески
Под знаменами Витгенштеина,
Вождя славного войска русского.
Не пускай врага разорити Русь
Иль пусти его чрез труп ты свой»

7 сентября 1812

* * *

От вод холмистых средиземных
Дождливый ветер полетел,
Помчался в дол, и тучи темны
На небо синее навел.
Столетние дубы ломает и гнет
И гонит с треском по озеру лед.

На Альпах снег звездчатый, тая,
По ребрам гор гремя летит,
Река, пределы расширяя,
Как море по лугу бежит.
Высокие волны с громадами льда
Одна за другою несутся шумя.

На каменных столбах широкий
Через быстру реку мост лежит,
И на середине — одинокий
Дом бедного пловца стоит.
Живет он с детьми и с верной женой,
Страшится, пловец, быть так близко с волной.

Волна волну предупреждая
Кругом уж хижины шумит,
И, руки кверху поднимая,
Семья, рыдая, вдаль глядит:
О небо! ужели назначено нам
Быть лютою жертвой свирепым волнам.

Ревели волны, завывали,
И по обоим берегам
Столбы и своды отрывали
И с шумом ластились к стенам,
Волны заглушая и бурь грозных вой,
Рыдает пловец и с детьми, и с женой

1812 или 1813

* * *

Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья,
Тебя, россиян мать, на лире воспою,
Зима! к тебе летит мое воображенье
Желаю изразить волшебну красоту.
Когда, последуя холодному Борею,
Опустошаешь ты зеленые луга,
Ложатся на весь мир, десницею твоею
Повсюду сеются пушистые снега.
Дотронешься к водам — и воды каменеют
И быстрый ручеек, окован, не журчит;
Дотронешься к лесам — и деревья пустеют,
Но зэфир между них, но бурный ветер свистит.
Не любишь песен ты, не знаешь хоровода,
Унылый соловей вдали отсель поет.
В унынии, цепях печалится природа,
И солнце красное тебя страшится греть.

Не любишь ты народ, с которым обитаешь,
Лиешь в него любовь и грудь его крепишь,
Блюдешь как нежный чад, от бури укрываешь
И храбрость на боях в душе его живишь.
Недавно с запада, как тучи громоносны,
Стремилися враги россиян поразить,
Шагнули в их предел — гремят перуны грозны,
И зарево Москвы багровое горит.
Воззрела мрачно ты — метели зашумели
И бури на врагов коварных понеслись.
Ступила на луга — и мразы полетели,
И, как от ветра прах, враги от нас взвились.

О, муза, возвести хотя на слабой лире
Ее все прелести, которы видим мы,
Когда, одеянна во ледяной порфире,
Вселенную тягчит алмазными цепями.
Еще лиется дождь, и листья пожелтели
С дерев развесистых шумя на стол летят,
Стоят в безмолвии дождем омыты селы,
И в роще хоры птиц, в гнездах сидя, молчат.
Вдруг снежны облака над полем понесутся,
И снег луга и лес звездчатый обелит,
И мразы мудрые от дремоты проснутся,
И ратовать Борей на землю полетит.
Все будто оживет, и вранов стая с криком
Чернеющим крылом покроет небеса,
И с воем серый волк, со взором мрачным, диком,
Помчится по холмам с добычею в леса.

1812 или 1813

* * *

Настанет час ужасной брани,
И заструится кровь рекой,
Когда порок среди стенаний
Восторжествует над землей.
Брат кровью брата обагрится,
Исчезнет с дружеством любовь,
И жизни огонь в отце затмился
Рукой неистовых сынов.

Вослед, метелями повита,
Зима с бореями придет
Из мрачных пропастей Коцита
И на вселенную падет.
Три лета не увидит смертный
В полях ни роз, ни васильков,

И тихий ветерок вечерний
Не будет колебать кустов.

Чудовища с цепей сорвутся
И полетят на мир толпой.
Моря драконом потрясутся,
Земля покроется водой.
Дуб твердый и ветвисты ивы
Со треском на луга падут.
Утесы мшисты, горделивы
Друг друга в океан сотрут.

Свои разрушит Фёнрис цепи
И до небес разверзнет пасть,
И вой поднимется свирепый,
И огонь посыпется из глаз.
Светильник дня животворящий,
Который обтекает свет,
Во всем величии горящий,
В его ужасный зев падет.

1812 или 1813

ПИИТ И ЭХО

П. О лира милая, воспой мне, ах, воспой!
Иль оду, иль рондó, иль маленький сонет!

Э. нет.

П. Почто несчастного не слушаешь, почто?
Ужель не воспоешь ты, лира, никогда?

Э. да.

П. Так я ин рассержусь и лиру изломаю.
И ты не тужишь?

Э. шутишь.

27 февраля 1813 Лицей

ЭПИТАФИЯ

Прохожий «здесь не стой! беги скорей, уйди,
И то на цыпочках и не шелох никак.
Подьячий тут лежит — его не разбуди!
А то замучает тебя! «понеже так».

27 февраля 1813

СТИХИ НА РОЖДЕНИЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Мрак распростерся везде. — И я под крылами Морфея,
Скукой вчера отягчен, уснул и грезил:
Будто б муза ко мне на облаке алом слетела,
И благодать воцарилась в бедной хате пиита.
С благоговеньем взирал на прелестны богинины взоры,
Руку простер я возжечь фимиам, но рука онемела,
Как от волшебной главы злой Медузы, сын пропасти лютой.
«Феб! — я воскликнул, — почто я последней лишаюсь силы?
Что отвергаешь мои тебе приносимые жертвы?
Или назначил мне рок вовеки не быть твоим сыном?»
— «Нет! — мне сказала тогда богиня с пламенным взором, —
Ты престопаешь закон — и в неге Морфею предался.
Спишь — и твоя на стене пребывает в безмолвии лира!
Спишь — и фантазии луч остается тобой не обделан!
Встань, отряси от очей последню дремоту, и лирой
Перевози ты тот день, который увидел рожденье,
Славой увенчался век еще молодого пиита.
Да воспоешь тобою Вильгельма счастливая участь!»
Я встрепнулся, восстал и на лире гремевшей Вильгельму
Песнь вопил: «О любимец пресветлого Феба, ты счастлив!»
Музы лелеют тебя и лирою слух твой пленяют!
Ты не рожден быть со мною на степени равной Фортуны —
Нет! твой удел с Алацеем и Пиндаром равен пребудет,
Лирой, как древний Орфей, поколеблешь ты камни и горы!
Парки, прядите вы жизнь Вильгельмову многие лета!
Дайте, чтоб бедный пиит его славу бессмертну увидел!»

Июнь 1813

АПОЛОГ

Из ближнего села
В Москву на торг пространный
Душистые цветы пастушка принесла,
Поутру кои набрала
Во рощице пространной.
«Купите у меня, купите, — говорит
Угрюмой госпоже, котора там ходила, —
Приятным запахом здесь роза всех дарит,
Росу вот на себе фиалка сохранила,
Она и страз светлей! —
Купите сей букет фиалок и лилей».
— «Ах нет, зачем мне их, когда они увянут
И к вечеру сему лить аромат престанут».
— «Но я, сударыня, не говорила вам,
Дано, что от небес бессмертние цветам».

Вот то о повестях моих я рассуждаю
И им бессмертия вовек не ожидаю.

1813

К ГОЛУБКУ

Здесь тихо все, здесь все живет в печали:
И рощица, голубчик, где ты жил,
И ручеек, где чисту воду пил, —
Печальны все, что радость нам являли.
И там, где счастье мне пел,
Сидя на дереве ветвистом,
Сшиб ветр его вчера со свистом.
Лети отсель!

Лети отсель, пусть буду я томиться,
Пусть я один здесь слезы буду лить,
Нет счастья мне, могу ль на свете жить,
Беги меня, приятно ли крушиться.
Я счастье с тобой имел,
Но нет, оно меня кидает.
Ужель печаль не устрашает?
Лети отсель!

Лети отсель, и, может быть, весною
Услышишь ты страдальца тихий стон,
То буду я, скажи: печален он,
Не тронься мной, пусть счастье с тобою.
Я жить сперва с тобой хотел,
Но я печаль лишь умножаю,
Ужель тебя не убеждаю?
Лети отсель!

1813

К ДИОНУ

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

Мальчик, наполни фиал фалернским вином искрометным!
В честь вечно-юному Вакху осушим мы дно золотое;
В чаше, обвитой венком, принеси дары щедрой Помоны, —
Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спешит удержать прелестного Хрона,
Просит, молит его — не внимая, он далее мчится;
Маленький только Эрот смеется, поет и, седого,
За руку взявши, бежит.

Что нам в жизни сей краткой за тщетною славой гоняться,
Вечно в трудах только жить, не видеть веселий до гроба? —
Боги для счастья и веселья нам дни даровали,
Для наслаждений любви.

Пой, в хороводе девиц белогрудых, песни веселью,
Прыгай под звонкую флейту; сплетясь руками, кружись
И твоя жизнь протечет, как быстро в зеленой долине
Скачет и вьется ручей.

Друг, за лавровый венок не кланяйся гордым пританам.
Пусть за слепую богиней Лициний гоняется вечно,
Пусть и обнимет ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратит от главы.

Что нам богатства искать? им счастья себе не прикупим:
Всех на одной ладие, и бедного Ира и Креза,
В мрачное царство Плутона, через волны ужасного Стикса
Старый Харон отвезет.

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохладенный в тени, сверкая, стремится источник, —
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

<1814>

К ЛИЛЕТЕ

Лилета, пусть ветер свистит и кверху метелица вьется;
Внимая боренью стихий, и в бурю мы счастливы будем,
И в бурю мы можем любить! ты знаешь, во мрачном Хаосе
Родился прекрасный Эрот.

В ужасном волнении морей, когда громы сражались с громами
И тьма устремлялась на тьму и белая пена кипела, —
Явилась богиня любви, в коральной плывя колеснице,
И волны пред ней улеглись.

И мы, под защитой богов, потопим в веселии время.
Бушуйте, о чада зимы, осыпайтесь, желтые листья!
Но мы еще только цветем, но мы еще жить начинаем
В объятиях нежной любви.

И радостно сбросим с себя мы юности красну одежду,
И старости тихой дадим дрожащую руку с клюкою,
И скажем: о старость, веди наслаждаться любовью в том мире,
Уж мы насладились здесь.

<1814>

ЭПИГРАММА

Поэт надутый Клит
Навеки закалялся со мною говорить.
О Клит возлюбленный! смягчися, умоляю:
Я без твоих стихов бессоницей страдаю!

<1814>

ХЛОЯ

Хлоя старика седого
Захотела осмеять
И шепнула: «Я драгого
Под окошком буду ждать.»

Вот уж ночь; через долину,
То за холмом, то в кустах,
Хлоя видит старичину
С длинной лестницей в руках.

Тихо крадется к окошку,
Ставит лестницу — и вмиг,
Протянув сухую ножку,
К милой полетел старик.

Близок к месту дорогому,
На щеке дрожит слеза.
Хлоя зеркало седому
Прямо сунула в глаза.

И любовник спотыкнулся,
Вниз со страха соскочил,
Побежал, не оглянувшись
И забыл зачем ходил.

Хлоя поутру спросила:
«Что же, милый, не бывал?
Уж не я ль тебя просила
И не ты ли обещал?»

Зубы в зубы ударяя,
Он со страхом отвечал:
«Домовой меня, родная,
У окна перепугал...»

Хоть не рад, но должно, деды,
Вас тихонько побранить!
Взгляньте в зеркало — вы седы,
Вам ли к девушкам ходить?

<1814>

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но все меня к нему влекло,
Все мне твердило: знаю!

Его кудрявые волосы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мне не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгою ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я, —
Скажи пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

<1814>

К ПОЭТУ-МАТЕМАТИКУ

Скажи мне, Финиас любезный!
В какие веки неизвестны
Скажи, не вечно ли она
Жила не с нею, одиноко,
И, в телескоп вперяя око,
Небесный измеряла свод
И звезд блестящих быстрый ход?

Какими же, мой друг! судьбами
Ты математик и поэт?
Играешь громкими струнами,
И вдруг, остановя полет,
Сидишь над грифельной доскою,
Поддерживая лоб рукою,
И пишешь с цифрами ноли,
Проводишь длинну апофему,
Доказываешь теорему,
Тупые, острые углы?
Возможно ли, чтобы девица,
Как лебедь статна, белолица,
Пленилась модником седым,
И нежною рукой своею
Его бы обнимала шею,
В любви жила счастливо с ним?

Скажи, как может восхищенье,
Души чувствительной стремленье,
Тебя с мечтами посещать?
Как пишешь громкие ты оды
И за пределами природы
Миры стремишься населять
Людьми, которых неподвластны
Ни злу, ни здешним суетам,
У них в сердцах — любви храм,
Они — все юны, все прекрасны
И улыбаются векам,
Летящим быстрою стрелою
С неумолимою косою?

В восторге говорит поэт,
Любовь Алине изъясняя:

«Небесной красотой сияя,
Ты солнца омрачаешь свет!
Твои блестящи, черны очи,
Как светлый месяц зимней ночи,
Кидают огонь из-под бровей!»
Но математик важно ей
Все опровергнет, все докажет,
Определит и солнца свет,
И действие лучей покажет
Через преломленье на предмет;
Но, верно, утаит, что взоры
Прелестной, райской красоты
Воспламеняют камни, горы
И в сердце сладки льют мечты.

Дерзнешь ли, о мой друг любезный!
Перед натурой токи слезны
Пролив стремится к ней душой?
На небесах твой путь опасный
Препнут и Лев, и Змей ужасный,
И лютый тур поднимет вой!
Через линейки, микроскопы,
Шагать устанешь, милый друг,
И выпренный оставишь круг!
Оставишь... и на табурете
В своем укромном кабинете
Зачнешь считать, чертить, мараТЬ —
И музу в помощь призывать!
И вот чрез множество мгновений
Твои слова от сотрясений
К ее престолу долетят.

На острый нос очки надвиня,
Берет орудия богиня,
Межует облаков квадрат.
Большие блоки с небесами
Соединяются гвоздями
И под веревкою скрипят.
И загремела цепь железна;
Открылась музе поднебесна
И место, где витаешь ты.
И Герой облако влечется
И ветерком туда-сюда,
Колебясь в бок, в другой, несется,
На твой спускаясь кабинет.
Вот бледный и дрожащий свет
Вдруг осенил твою обитель!
Небес веселых мрачный житель
Является перед тобой.
«Стремись, мой сын, стремись за мной, —

Богиня с важностью вещает, —
Уже бессмертие тебе
Венцы лавровые сплетает!
Достигни славы в тишине!
С Невтоном испытай природу,
С Бланшаром по небесну своду
Как дерзостный орел летай!
Бесстрашно измеряй пучину,
Скажи всем действиям причину
И новы звезды открывай!»

И се раскрылся пред тобою
Промчавшихся веков завес,
И зришь: в священный темный лес
Идут ученые толпою.
Кружась на ветреных крылах,
Волнится перед ними прах —
И рвет их толстые творенья.
Что делать, — плачут, да идут.
И средь такого треволненья
Одни — за алгеброй бегут,
Те — геометрию хватают,
Иль, руки опустя, рыдают.

Не достигаемый никем,
Между кремнистыми скалами
За Стикса мрачными берегами
Главу возносит, как илем,
Престол богини измеренья,
И Крон не сыплет разрушенья
На хладны мраморны столбы!
Отсель богиня взор кидает
На многочисленны толпы¹.
Не многих слушает мольбы,
Не многих лаврами венчает.

Но грянет по струнам поэт
И лишь богиню призовет —
При звуке сладостныя лиры
Впрягутся в облако зефиры,
Крылами дружно размахнут,
Помчатся с Пинда, понесут, —
И вот в зефирном одеяньи,
Певец! она перед тобой
В венце, в божественном сияньи,
Пленяющая красотой!
И ты падешь в благоговеньи

¹ Читатели извинят, что я в сем месте воспользовался описанием зимы г-на Хераскова, что <сделано> единственно по сходству математики с холодом.

Перед подругою твоей!
Гремишь струнами в восхищеньи,
И ты — могучий чародей!

Не воздух на небе сгущенный,
Спираясь между собой,
Перуны шлет из тучи темной
И проливает дождь рекой, —
То гневный Зевс водоточивый
На смертный род, всегда кичливый,
Льет воды и перун десной
Кидает на полки строптивы.
И не роса на дол падет,
Цветы душисты освежая, —
Аврора, урну обнимая,
Над прахом сына слезы льет.
Не воздух, звуком сотрясенный,
К лесам относит голос твой, —
Ах, нет! под тению священной,
Пленясь Нарцизовой красой,
Несчастлива Нимфа въздыхает
И грусть с тобою разделяет.
Не солнце, рассевая тень,
На землю сводит ясный день, —
То Феб прекрасный, сановитый,
Лучами светлыми повитый,
Удерживая бег коней,
У коих пламя из ноздрей,
Летит в блестящей колеснице,
Последуя молодой деннице.

Так славный Боало певал,
Бросая огонь от громкой лиры;
Порок бледнел и трепетал,
Внимая грозный глас сатиры.

Мессии избранный певец!
Ты арфою пленял вселенну;
Тебе, хвалою превознесенну,
Омиры отдают венец.
Пиндара, Флакка победитель,
Небесых песней похититель,
Державин россов восхищал!
Под дланью трепетали струны,
На сильных он метал перуны —
И добродетель прославлял.

И здесь, когда на вражьи строи
Летели русские герои,
Спасая веру и царя,

Любовью к родине горя.
В доспехах бранных, под шатрами,
Жуковский дивными струнами
Мечи ко мщенью извлекал,
И враг от сих мечей упал.

Но ты сравнишься ли с ними,
Когда, то музами водимый,
То математикой своей,
Со всеми разною стезей
Идешь на высоты Парнаса
И ловишь сов или Пегаса?
Измерь способности свои;
Иль время проводи с доскою
И треугольники пиши,
Иль нежною своей игрою
Украшь друзей приятный хор,
Сзывая пиэрид собор.

<1814>

НА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА

В громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да услышат тебя все народы,
Скажут: не то ли перуны Зевеса,
Кои в гневе сражает пороки?
Пиндара муза тобой побежденна;
Ты же не игры поешь олимпийски,
И не царя, с быстротою летяща
К цели на добром коне сиракузском,
Но Александра, царя миролюбна
Кем семиглавая гидра сраженна!

О вдохновенный певец,
Пиндар российский, Державин!
Дай мне парящий восторг!
Дай, и во веке прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будет везде!

Как в баснословные веки
Против Зевеса гиганты,
Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною,
Но Зевс вдруг кинул перуны —
Горы в песок превратились,
Рухнули с треском на землю

И — подавили гигантов, —
Галлы подобно на россос летели:
Их были горы — народы подвластны!
К сердцу России — к Москве доносили
Огонь, пожирающий грады и веси...
Царь миролюбный подобен Зевесу
Долготерпящу, людей зря пороки.
Он уж готовил погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны:
Враг уж в Москве — и взгремели перуны,
Горы его под собою сокрыли.

Где же надменный Сизиф?
Иль покоряет россиян?
В тяжких ли россы цепях
Слезную жизнь провождают
Нет, гром оружия россос
Внемлет пространный Париж!

И победитель Парижа,
Нежный отец россиянам,
Пепел Москвы забывая,
С кротостью галлам прощает
И как детей их приемлет.
Слава герою, который
Все побеждает народы
Нежной любовью — не силой!

Ведай, богиня! Поэт безпристрастный
Должен пороки показывать мира,
Страха не зная, царю он вещает
Правду — не низкие лести вельможи!
Я не пою олимпийских героев;
Славить не злато меня побуждает, —
Нет, только подвиги зря Александра,
Цитру златую ему посвящаю!
Век на ней буду славить героя
И вознесу его имя до неба!

Кроткий российский Зевес!
Мрачного сердца Сизифа
Ты низложил и теперь,
Лавром побед увенчанный,
С поля кровавого битвы
К верным сынам возвратился!

Шлем твой пернатый с забралом,
Острый булат и тяжелы
Латыними и явися
В светлой короне, в порфире

Ты посреди сынов верных!
В мире опять, в благоденстве
Царствуй над нами, — и слава
Будет во веки с тобою!

1814

НА СМЕРТЬ КУЧЕРА АГАФОНА

Ни рыжая брада ни радость старых лет,
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли от тяжкого недуга...
А Агафона нет!
Потух, как от копыт огонь во мраке ночи
Как ржанье звучное усталого коня!..
О небо! со слезой к тебе подьмлю очи
И, бранный, не могу не спросить себя:
Ужель не вечно нам вожжами править можно
И счастье в вине напрасно находить?
Иль лучшим кучерам жить в мире лучшем должно,
А нам с худыми быть!..
Увы! не будешь ты потряхивать вожжею;
Не будешь лошадей бить плетью своею;
И усом шевеля, по-русски их бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить!
Глас молодетский не прольется,
И путник от тебя уж не зажмет ушей,
И при сиянье фонарей
Уж глас фореитора тебе не отзовется,
И ах! Кузьминишна сквозь слез не улыбнется!
Умолкло все с тобой! Кухарки слезы льют,
Супруга, конюхи венки из сена вьют,
Глася отшедшему к покою:
«Когда ты умер — чорт с тобою!»

Между 1814 и 1817

ТИХАЯ ЖИЗНЬ

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется;
Кто с доброй совестью и милою своею
Как весело заснет, так весело проснется;

Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой
И мягкую волну с своих овец собирает,
И для кого свой дуб в огне горит зимой,
И сон прохладю в день летний навевает.

Спокойно целый век проводит он в трудах,
Полета быстрого часов не примечая,
И смерть к нему придет с улыбкой на устах,
Как лучших, новых дней пророчица благая.

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.
Умру — и скоро все забудут о поэте!
Что нужды? я блажен, я мог себе найти
В безвестности покой и счастье в Лилете!

Между 1814 и 1817

БЕДНЫЙ ДЕЛЬВИГ

Вот бедный Дельви́г здесь живет,
Не знаем суетою,
Бренчит на лире и поет
С подругою-мечтою.

Пускай невежество гремит
Над мудрою главою,
Пускай и эгоизм кричит
С фортуною слепою, —

Один он с ленностью живет,
Блажен своей судьбою,
Век свой о радости поет
И не знаком с тоскою.

О счастья не говорит,
Но счастье с тобою
Живет — и вечно будет жить
И с ленностью святою!

Между 1814 и 1817

ПОДРАЖАНИЕ 1-МУ ПСАЛМУ

Блажен, о юноша! кто подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем журналам,
Кто час любовников пропустит в сладком сне
И круг простых друзей предпочитает балам.

Когда неистовый влетит к нему Свистов,
Он часто по делам из комнаты выходит,
Ему ж нет времени писать дурных стихов
Когда за книгой день, с супругой ночь проводит.

Зато, взгляните, он как дуб высок и прям,
Что вялый перед ним угодник дам и моды?
Цвет полных яблоков разлился по щекам,
Благоразумен, свеж он и в преклонны годы,

А ты, слепой глупец, иль новый философ!
О, верь мне, и в очках повеса все ж повеса.
Что будет из тебя под сединой власов,
Когда устанешь ты скакать средь экосеса?

Скажи, куда уйдешь от скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ее румяных щек бранится на тебя? —
Пример достойнейший и дочери, и сыну!

Что усладит, скажи без веры старика?
Что память доброго в прошедшем сохранила,
Что совесть ... ты молчишь! беднее червяка,
Тебе постыла жизнь, и не страшит могила!

Между 1814 и 1817

В АЛЬБОМ КНЯЖНЕ ВОЛКОНСКОЙ

Сестрица! можно ли прелестную забыть?
За это Аполлон давно б мне выдрал уши;
Но красота стрелой велела прикрепить
Амуру к сердцу мне портрет моей Танюши.

Между 1814 и 1817

ПЕРЕВОДЧИКУ ДИОНА (Экспромт)

Благодарю за переводы
Моих ритмических стихов!
От одного отца рожденные уроды
Ведут свой знатный род от двух теперь отцов.

Между 1814 и 1817

ЭПИТАФИЯ

Что жизнь его была? Тяжелый сон;
Что смерть? От грез ужасных пробужденье:
Впросонках улыбнулся он —
И снова, может быть, там начал сновиденье.

Между 1814 и 1817

МОИ ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА

Дитятей часто я сердился,
Игрушки, няньку бил;
Еще весь гнев не проходил,
Как я стыдился.

Того уж нет! и я влюбился,
Томленьем грудь полна!
Бывало, взглянет лишь Она —
И я стыдился.

Того уж нет! вот я женился
На ветреной вдове;
Гляжу — рога на голове!
Я застыдился.

Того уж нет! теперь явился
В собранье с париком,
Что ж? — громкий смех над стариком.
Тут я взбесился.

Между 1814 и 1817

ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Несвязный сон,
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,
То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.

Между 1814 и 1817

К А. С. ПУШКИНУ

Как? житель гордых Альп, над бурями парящий,
Кто кроет солнца лик развернутым крылом,
Услыша под скалой ехидны свист шипящий,
Раздвинул когти врозь и оставляет гром?

Тебе ль, молодой вещун, любимец Аполлона,
На лиру звучную потоком слезы лить,
Дрожать пред завистью и, под косою Крона
Склоняся, дар небес в безвестности укрыть?

Нет, Пушкин, рок певцов — бессмертье, не забвенье,
Пускай Армениус, ученьем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет член,

Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?
Брось на него ты взор, взор грозного презренья,
И в малый сонм вступи божественных певцов.

И радостно тебе за Стиксом грянут лиры,
Когда отяготишь собою ты молву!
И я, простой певец Либэра и Темиры,
Пред Фебом преклоня молящую главу,

С благоговением ему возжгу куренье
И воспою: «Хвала, кто с нежною душой,
Тобою посвящен, о Феб, на песнопенье,
За гением своим прямой идет стезей!»

Что зависть перед ним, ползущая змеею,
Когда с богами он пирует в небесах?
С гремящею лирою, с любовью молодою
Он Крона быстрого и не узрит в мечтах.

Но невзначай к нему в обитель постучится
Затейливый Эрот младенческой рукой,
Хор смехов и харит в приют певца слетится,
И слава с громкою трубой.

Между 1814 и 1817 (?)

НАДПИСЬ К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Не бойся, Глазунов, ты моего портрета!
Не генеральский он, но сбудешь также с рук,
Зачем лишь говорить, что он портрет поэта!
С карикатурами продай его, мой друг.

Между 1814 и 1917

К А. М. Т...Й

Могу ль забыть то сладкое мгновенье,
Когда я вами жил и видел только вас,
И вальса в бешеном круженье
Завидовал свободе дерзких глаз?

Я весь тогда желал оборотиться в зренье,
Я умолял: «Постой, веселое мгновенье!
Пусть я не спущу с прекрасной вечно глаз,
Пусть так забвение крылом покрое нас!»

Между 1814 и 1817

БЛИЗОСТЬ ЛЮБОВНИКОВ (Из Гете)

Блеснет заря, и всё в моем мечтании
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда поток в молчании
Сребрит луна.

Я зрю тебя, когда летит с дороги
И пыль и прах,
И с трепетом идет пришлец убогий
В глухих лесах.

Мне слышится твой голос несравненный
И в шуме вод;
Под вечер он к дубраве оживленной
Меня зовет.

Я близ тебя; как не была б ты далеко,
Ты все ж со мной.
Взошла луна. Когда б в сей тьме глубокой
Я был с тобой!

Между 1814 и 1817

К ЛИЛЕТЕ
(Зимой)

Так, все исчезло с тобой! Брожу по колена в сугробах,
Завернувшись плащом, по опустелым лугам;
Грустный стою над рекой, смотрю на угрюмую сбсну,
Вслушиваюсь в водопад, но он во льдинах висит,
Грозной зимой пригвожденный к диким, безмолвным гранитам;
Вижу пустое гнездо, ветром зарытое в снег,
И напрасно ищу певичу веселого мая.
«Где ты, дева любви? — я восклицаю в лесах. —
Где, о Лилета! иль позабыла ты друга, как эхо
Здесь позабыло меня голосом милья звать.
Вечно ли слезы мне лить и мучиться в тяжкой разлуке
Мыслию: все ль ты моя? Или мне встретить,
Как встречает к земле семейством привязанный узник,
После всех милых надежд, день, обреченный на казнь?
Нет, не страшися зимы! Я писал не слушая сердца,
Много есть прелестей в ней, я ожидаю тебя!
Наша любовь оживит все радости юной природы,
В воспоминаньи, в мечтах, в страстном сжимании рук
Мы не услышим с тобой порывистых свистов метели!
В холод согреешься ты в жарких объятьях моих
И поцелуем тоску от несчастного друга отгонишь,
Мрачную, с белым лицом, с думою тихой в очах,
Скрытых развитыми кудрями, впалых глубоко под брови, —
Спутницу жизни моей, страсти несчастливой дочь».

Между 1814 и 1817

К АМУРУ
(Из Генсера)

Еще в начале мая
Тебе, Амур жестокий!
Я жертвенник поставил
В домашнем огороде
И розами и миртом
Обвил его, украсил.
Не каждое ли утро
С тех пор венок душистый
Носил тебе, как жертву?
А было все напрасно!
Уж сыплются метели
По обнаженным ветвям, —
Она ж ко мне сурова,
Как и в начале мая.

Между 1814 и 1817

ДОСАДА

Как песенка моя понравилась Лилете
Она ее — ну целовать!
Эх, други! тут бы ей сказать:
«Лилета, поцелуй весь песенник в поэте!»

Между 1814 и 1817

ЦЕФИЗ (Идиллия)

(И. А. Б...ому)

Мы еще молоды, Лидий! вокруг шеи кудри вьются;
Рдеют, как яблоко, щеки, и свежие губы алеют
В быстрые дни молодых поцелуев. Но скоро ль, не скоро ль,
Все ж мы, пастух, состареемся; все ж подурнеем, а Дафна,
Эта шалунья, насмешница, вдруг подрастет и, как роза,
Вешним утром расцветшая, нас ослепит красотой.
Поздно тогда к ней ласкаться, поздно и тщетно. Вертушка
Вряд поцелует седых — и, локтем подругу толкая,
Скажет с насмешкою: «Взглянь, вот бабушкин милый любовник!
Как же щеки румяны, как густы волнистые кудри!
Голос его соловьиный, а взор его прямо орлиный!»
— Смейся, — мы скажем ей, — смейся! И мы насмехались, бывало!
Здесь проходчиво все — одна непроходчива дружба!

«Здравствуй, здравствуй, Филит! Давно мы с тобой не видались!
Век не забуду я дня, который тебя возвратил мне,
Мой добродетельный старец! Милый друг, твои кудри
Старость не скупно осыпала снегом! Приди же к Цефизу;
Здесь отдохни под прохладой теней: тебя ожидают
Сочный в саду виноград и плодами румяная груша!»

Так Цефиз говорил с младенчества милому другу,
Старца обнял, затвор отшатнул и ввел его в садик.
С груши одной Филит плоды вкушал и хвалил их,
И Цефиз ему весело молвил: «Приятель, отныне
Дерево это твое; а я от холодной метели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой:
Пусть оно для тебя и цветет и плодом богатеет!»
Но — не Филиту оно и цвело, и плодом богатело:
В ту же осень он умер. Цефиз молил жизнедавца
Так же мирно уснуть, хоть и бедным, но добрым. Под грушей
Старца он схоронил и холм увенчал кипарисом.

Часто слышал он, когда простирала луна от деревьев
Влажные, долгие тени, священное листьев шептанье;

Часто из гроба таинственный глас исходил — казалось,
Был благодарности глас он. И небо давало Цефизу
Много с тех пор и груш благовонных, и гроздий прозрачных.

Между 1814 и 1817

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Други, други! радость
нам дана судьбой,
Пейте жизни сладость
Полною струей.

Прочь от нас печали,
Прочь толпа забот!
Юных увенчали
Бахус и Эрот.

Пусть трещат морозы,
Ветр свистит в окно,
Нам напомнят розы
С Мозеля вино.

Нас любовь лелеет,
Нас в молодые дни,
Как весна согреет
Поцелуй любви.

Между 1814 и 1817

К ФАНТАЗИИ

Сопутница моя золотая,
Сестра крылатых снов,
Ты, свежесть в нектар изливая,
На пиршестве богов,
с их древних чел свегаешь думы,
Лишаешь радость крыл.
Склонился к чаше Зевс угрюмый
И грома позабыл.

Ты предпочла меня, пиита,
Толпе других детей!
Соломой хижина покрыта,
Приют семьи моей,
Тобой, богиня, претворялась
В очарованный храм,
И у младенца разливалась
Улыбка по устам.

Ты, мотыльковыми крылами
Порхая перед ним —
То меж душистыми цветами,
То над ручьем златым, —
Его манила вверх утеса
С гранита на гранит,
Где в бездну с мрачного навеса
Седой поток шумит.

Мечтами грудь его вздымала,
И, свитые кольцом,
С чела открытого сдувала
Ты кудри ветерком.
Пусть гул катился отдаленный,
Дождь в листья ударял, —
Тобой, богиня, осененный
Младенец засыпал.

Огни ночные, блеск зарницы,
Падающей льдины гром
Его пушистые ресницы,
Отягощенны сном,
К восторгам новым открывали
И к трепетам святым,
И в мраке свода ужасали
Видением ночным.

Заря сидящего пиита
Встречала на скалах,
Цветами вешними увита
И с лирою в руках.
Тобой, богиня, вдохновленный,
С вершин горы седой
Свирели вторил отдаленной
Я песнию простой:

«Что ты, пастушка, приуныла?
Не пляшешь, не поешь?
К коленям руки опустила,
Идешь и не поешь?
Во взоре, в поступи томленье,
В лице пылает кровь,
Ты и в тоске и в восхищеньи!
Наверно, то любовь?»

Но ты закрылася руками!
Мне отвечаешь: нет!
Не закрывай лица руками,
Не отвечай мне: нет!

Я слышал, Хлоя, от пастушек,
Кто в нас волнует кровь,
Я слышал, Хлоя, от пастушек
Рассказы про любовь!»

Кругом свежее разливался
Цветов пустынный дух,
И проходящий улыбался
Мне весело пастух:
«Не улыбайся, проходящий
Веселый пастушок,
Не вечно скачет говорящий
С цветами ручеек,
Взгляни на бедного Дафниса,
Он смолк и приуныл!
Несчастливого забыла Ниса,
Он Нису не забыл!»

Как ты, Фантазия, учила
Ребенка воспевать,
К свирели пальцы приложила,
Велела засвистать!
Невинный счастлив был тобою,
Когда через цветы
Вела беспечною рукою
Его, играя, ты.

Как сладко спящего покрыла
В последний раз ты сном
И грудь младую освежила
Махающим крылом.
Я вскрикнул, грезой уstraшенный,
Взглянул — уж ты вдали,
Летишь, где неба свод склоненный
Падет на край земли.

С тех пор ты мчишься все быстрее,
А все манишь меня!
С тех пор прелестней ты, живее,
Уныл и томен я.
Жестокая, пустыми ль снами
Ты хочешь заменить
Все, что младенчества я днями
Так мало мог ценить!

Кем ты, волшебница, явилась
Мне с утренней звездой,
И, застыдившись, приклонилась,
Обвив меня рукой,
К плечу прелестными грудями?

Скажи, кто окропил
Меня горячими слезами
И, скрывшись, пробудил?
Чей это образ несравненный ?
Кто та, кем я дышу ?
О ней, грозою окруженный,
На древе я пишу;
Богов усердными мольбами
Ее узреть молю.
Чего не делаешь ты с нами!
Увы, и я люблю.

Между 1814 и 1817

БОГИНЯ ТАМ И БОГ ТЕПЕРЬ
(К Савичу)

Прозаик милый,
О Савич мой,
Перед тобой,
Собравшись с силой,
Я нарисую,
Махнув пером,
Всегда младую,
С златым венцом,
С златою лирой
И по плечам
С златой порфирой
Богиню Там.
Она витает
(Поверь ты мне)
В той стороне,
Отколь блистает,
При тишине
Лесов заглохших
И вод, умолкших
В спокойном сне,
Предтеча Феба,
Камен царя,
В цветах заря.
Аврора неба,
Откинув дверь,
Там выпускает,
Но бог Теперь
Ее встречает
И зло кидает
К благим дарам
Богиня ж Там,
Как ты, незлобна!

И не одной
Она душой
Тебе подобна,
Но тож мила
И весела,
И так прелестно
Как, Савич, ты
Поет мечты
О неизвестном
Дали, дали!
Внимай пиита:
Он чародей —
Судьбой открыта
Грядущих дней
Ему завеса,
Он от Зевса
Богиню Там
Принял в подругу
Своим мечтам.
Тебе ж как другу
Принес от ней
О! сверток дней
Ты прочитаешь
И в нем узнаешь,
Кто будешь впредь,
Но не краснеть
От слов пророка:
«По воле рока
Ты будешь петь,
Как ночью мая
Поет младая,
В тени древес,
Любви певица,
Когда царица
Ночных небес
Из вод катится
И мрачный лес
Не шевелится;
Когда ж в крови
Зажгутся муки
Святой любви,
То смело руки
Ты на клавиш,
И слаще лир
Прольются звуки
Твоей души.
Тогда ж в тиши
Ты, одинокой,
В стихах пиши
Письмо к жестокой —

И ты поэт.
Прошепчет: «Нет»
Она сердито.
О, не беда!
Полуоткрытой
Верь, скажет: «Да!»
И ты, счастливый,
От городов
Уйдешь под кров
Домашней ивы,
Блаженный час!
О днях грядущих
Не суетясь,
В местах цветущих
Ты будешь жить
И воздух пить
С душистой розой.
Ты свежей прозой
Семьи простой
Опишешь радость,
Души покой,
И чувства сладость
Рассыплешь ты
На все листы».
О Савич милый!
То будет, верь,
Когда «Теперь»,
Сей бог унылый,
Богиню «Там»
Не повстречает,
Не примешает
К ее дарам
Полезной муки,
Слезы и скуки.

Между 1814 и 1817

ДИФИРАМБ

Други, пусть года несутся,
О годах не нам тужить!
Не всегда и грозды выются!
Так скорей и пить, и жить!

Громкий смех над докторами!
При плесканьи полных чаш!
Верьте мне, Игея с нами,
Сам Лиэй целитель наш!

Светлый Мозель восхищенье
Изливает в нашу кровь!
Пейте ж с ним вы мук забвенья
И болтливую любовь.
Выпили? Еще! Веселье
Пышет розой по щекам,
И беспечное похмелье
Уж манит Эроса к нам.

Между 1814 и 1817

ЖАВОРОНОК

Люблю я задумываться,
Внимая свирели,
Но слаще мне вслушиваться
В воздушные трели
Весеннего жаворонка!

С какою он сладостию
Зарю величает!
Томлением, радостию
Мне душу стесняет
Больную, измученную!

Весною раскованная
Земля оживает,
И, им очарованная,
Сильнее пылает
Любовью живительною.

Как ловит растерзанная
Душа его звуки!
И, сладко утешенная,
На миг забыв муки,
На небо не жалуется!

Между 1814 и 1817

ЭЛИЗИУМ ПОЭТОВ

За мрачными, Стигийскими берегами,
Где в тишине Элизиум цветет,
Минувшие певцы гремят струнами,
Их шумный глас минувшее поет.

Толпой века в молчании над ними,
Облокотясь друг на друга рукой,

Внимают песнь и челами седыми
Кивают, бег вспоминая свой.

И изредка веками сонм почтенный
На мрачный брег за Эрмием грядет —
И с торжеством Элизиум священный
Тень гения отцветшего ведет.

Их песнь гремит: «Проклят, проклят богами,
Кто посрамил стихами муз собор!»
О, горе! он чугунными цепями,
Как Прометей, прикован к темю гор;

Вран зависти льет хлад в него крылами
И сердце рвет, и фурий грозный взор
Разит его: «Проклят, проклят богами!»
С шипеньем змей их раздается хор.

— О юноша с невинною душою,
Палладою и Фебом озарен,
Почто ступил ты дерзкою ногою
За Кипрою, мечтами ослеплен?

Почто, певец, когда к тебе стучалась
Прелестница вечернею порой
И тихо грудь под дымкой колебалась,
И взор светлел притворною слезой,

Ты позабыл твой жребий возвышенный
И пренебрег душевной чистотой,
И, потушив в груди огонь священный,
Ты Бахуса манил к себе рукой.

И Бассарей с кистями винограда
К тебе пришел, шатаясь на ногах.
С улыбкой рек: «Вот бедствиям отрада,
Люби и пей на дружеских пирах».

Ты в руки ковш — он выжал сок шипящий,
И Грация закрылася рукой,
И от тебя мечтаний рой блестящий
Умчался вслед невинности златой.

И твой удел у Пинда пресмыкаться,
Не будешь к нам ты Фебом приобщен!
Блажен, кто мог с невинностью пробраться
Чрез этот мир, возвышенным пленен.

Между 1814 и 1819

РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Кто ты, светлый сын небес!
Златокудрый, быстrokрылый?
Кто тебя в сей дикий лес,
Сей скалы в вертеп унылый,
Под обросший мхами свод,
К бездне, где с рожденья мира
С эхом гор поток ревет,
Приманил от стран эфира?
Что твой пламенник погас?
Что твой образ омрачился?
Что жемчуг скорбящих глаз
По щекам засеребрился?
Почему твое чело
Потемнело, развенчалось?
Или быстрое крыло
От паренья отказалось?

Не найдешь и на земле
Ты веселое жилище!
Вот, где розы расцвели, —
Там родное пепелище,
Там страна, где я расцвел,
Где, лелеемый мечтою,
Я любовь и радость пел,
Побежим туда со мною.

Смертный я, и в сих местах,
Посвященных запустенью,
Чувствую холодный страх,
Содрогаюсь биенью
Сердца робкого в груди.
Здесь я как-то заблудился.
Добрый бог! со мной поди
К тем садам, где я родился.

Гений

Нет, туда мы не пойдём,
Там прольём мы только слезы,
То не твой уж светит дом,
Не твои блистают розы!
Там тебя отцу не ждать,
Там заботливо к порогу
Не подходит часто мать
И не смотрит на дорогу,

Там младенец имя брат
Лепетать не научился,
Чтоб отца внезапно взгляд
Прояснил и ослезился;

Там и резвый хоровод
Возле хижины пустынной
Не сестра твоя ведет
Песней звонкой и невинной, —

Рок привел к чужой стране
Челн с твоей семьей родимой.
Может горести одне
Примут в пристань их незримо?
Может? Нет, ты обоймешь
(Будет веры исполненье!)
Мать, отца — всех, кем живешь
С кем и муки — наслажденье!

А меня ужели ты
Не узнаешь? Я твой Гений,
Я учил тебя мечты
Напевать в домашней сени;
Сколько смертных — столько нас;
Мы, посланники Зевеса,
Охраняем, тешим вас
От пелен до врат Айдеса!

Но, любя, — ужель судьбе
Нам покорствовать не больно?
Не привязанный к тебе,
Я бы, неба житель вольный,
Полетел к родной стране,
К ним, к товарищам рожденья,
С кем в священной тишине
Ядохнул для наслажденья.

Вам страдать ли боле нас?
Вы незнанием блаженны,
Часто бездна видит вас
На краю, а напеченный
С криком радости фиал
Обегает круг веселый,
Часто Гений ваш рыдал,
А коварный сын Семелы,

С Купидоном согласясь,
Вел, наставленный судьбою,
Вас, играя и смеясь,
К мрачной гибели толпою.
Будем тверды, перейдем
Путь тяжелых испытаний,
Там мы счастье обретем,
Там — в жилище воздаяний!

Между 1814 и 1817

К К. Т. В.

К чему на памятном листке мне в вас хвалить
Ума и красоты счастливое стечение?
Твердить, что видеть вас уж значит полюбить,
И чувствовать в груди восторги и томленье?
Забавно от родни такое восхищенье?
И это все другой вам будет говорить!

Но счастья пожелать и доброго супруга,
А с ним до старости приятных, светлых дней —
Вот все желания родни и друга
Равно и для княжны и для сестры моей.

Между 1814 и 1817

ФАНИ

(Горацианская ода)

Мне ль под оковами Гимена
Все видеть то же и одно?
Мое блаженство — перемена,
Я дев меняю, как вино.

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной,
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Чем с девой робкой и стыдливой
Случайно быть наедине,
Дрожать и миг любви счастливой
Ловить в ее притворном сне —

Не слаще ли прелестной Фани
Послушным быть учеником,
Платить любви беспечно дани
И оживлять восторги сном?

Между 1814 и 1817

К МАЛЬЧИКУ

Мальчик, солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров!
Принеси же осторожно
И скорей из погребов

В кубках длинных и тяжелых,
Как любила старина,
Наших прадедов веселых
Пережившего вина.

Не забудь края золотые
Плющем, розами увить!
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело хоть на мгновенье,
Бахусом наполнив грудь,
Обмануть воображенье
И в былое заглянуть.

Между 1814 и 1819

ХАТА

Скрой меня, бурная ночь! Заметай следы мои, вьюга,
Ветер холодный, бушуй вокруг хаты Лилеты прекрасной,
Месяц, свети — не свети, а дорогу, наверно, любовник
К робкой подруге найдет.

Тихо дверь отворись! О Лилета, твой милый с тобою,
Нежной, лилейной рукой ты к сердцу его прижимаешь;
Что же с перстом на устах, боязливая, смотришь на друга?
Или твой Аргус не спит?

Бог-утешитель Морфей, будь хранителем таин Амура!
Сны, готовые нас разлучить до скучного утра,
Роем тяжелым скорей опуститесь на хладное ложе
Аргуса милой моей.

Нам ли страшиться любви! Счастливец, мои поцелуй
Сладко *ее* усыпят под шумом порывистым ветра;
Тихо пробудит *ее* предвестницей юного утра
Пламенный мой поцелуй!

<1815>

ВАКХ

Прощай, Киприда, бог с тобою!
С фиалом счастлив я:
Двоих дружишь ты меж собою,
А с Вакхом все друзья

<1815>

К ТЕМИРЕ

Как птичка резвая, молодая,
Ты под крылом любви растешь,
Мирских забот еще не зная,
Вертишься и поешь,

Но детство быстро унесется,
С ним улетит и твой покой,
И сердце у тебя забьется
Неведомой тоской.

Тщеславие тебя цветами
Прилежно будет убирать,
И много лет пред зеркалами
Придется потерять.

Здесь мода всеми помыкает,
Чернит, румянит и белит,
Веселых плакать заставляет,
Печальным петь велит.

И ты помчишься за толпою
В чертог блестящей суеты
И истинной почтешь красою
Поддельные цветы.

Но знай, что счастье на свете
Не в жемчугах, не в кружевах,
И не в богатом туалете,
А в искренних сердцах.

Цвети, Темира дорогая,
Богиня красотой будь,
В столице роскоши блистая,
Меня не позабудь!

<1815>

ТЛЕННОСТЬ

Здесь фиалка на лугах
С зеленью пестреет,
В свежих Флоры волосах
На венке краснеет,
Юноша, весна пройдет,
И фиалка опадет.

Розой, дева, украшай
Груди молодые,
Другу милому венчай
Кудри золотые.
Скоро лету пролететь,
Розе скоро не алеть.

Под фиалкою журчит
Здесь ручей серебристый,
С ранним днем ее живит
Он струею чистой.
Но от солнечных лучей
Летом высохнет ручей.

Тут, за розовым кустом,
Пастушок с пастушкой,
И Амур, грозя перстом:
«Тут пастух с пастушкой!
Не пугайте! — говорит, —
Миг — и осень прилетит!»

Там фиалку, наклонясь,
Девушка срывает,
Зэфир, в волосы вплетясь,
Локоном играет, —
Юноша! Краса летит,
Деву старость посетит.

Кто фиалку с розой пел
В радостны досуги
И всегда любить умел
Вас, мои подруги, —
Скоро молодой певец
Набредет на свой конец!

<1815>

К Т-ВУ

Еще в молодые годы,
Бренча струной не в лад,
За пиндарские оды
Я музами проклят.
Подняв печально руки,
С надеждою в очах,
Познаний от науки
Я требовал в слезах.

Наука возвратила
Мне счастье и покой
И чуть не примирила
С завистливой судьбой.
Но я, неблагодарный,
(Чем тихомолком жить)
С улыбкою коварной
Стал дщерь ее бранить.

И, взявши посох в руки,
На цыпочках, тишком
Укрылся от науки
С затейливым божком.
Амур к молодой Темире
Зажег во мне всю кровь,
И я на томной лире
Пел радость и любовь.

Простился я с мечтою,
В груди простыла кровь,
А все еще струною
Бренчу кой-как любовь —
И в песнях дышит холод,
В элегиях бомбаст;
Сатиров громкий хохот
Моя на Пинде часть.

<1815>

ПОЛЯК
(Баллада)

Бородинские долины
Осребрялися луной,
Громы на холмах немели,
И вдали шатры белели
Омраченной полосой!

Быстро мчались поляки
Вдоль лесистых берегов,
Ива листьями шептала,
И в пещерах завывала
Стая дикая волков.

Вот в развалинах деревня
На проталине лежит.
Бурные, ночлег почуя,
Гривы по ветру волнуя,
Искры сыпали с копыт.

И стучит поляк в избушку:
«Есть ли, есть ли тут жилой?»
Кто-то в окнах шевелится,
И громчей поляк стучится:
«Есть ли, есть ли тут жилой?»

— Кто там? — всадника спросила
Робко девица-краса.
«Эй, пусти в избу погреться,
Буря свищет, дождик льется,
Тьмой покрыты небеса!»

— Сжался надо мной, служивый! —
Девица ему в ответ, —
Мать моя, отец убиты,
Здесь одна я без защиты,
Страшно двери отпереть! —

«Что красавице бояться?
Ведь поляк не людоед!
Стойла конь не искушает
Сбруя стопку не ломает,
Стол под ранцем не падет

Дверь со скрипом отскочила,
Озирается герой;
Сняв большую рукавицу,
Треплет юную девицу
Он могучею рукой.

«Сколько лет тебе, голубка?»
— Вот семнадцатый к концу!
— «А! так скоро со свечами,
Поменявшись кольцами,
С суженым пойдешь к венцу!»

Дай же выпить на здоровье
Мне невесты с женихом.
До краев наполни чаша,
Будь так жизнь приятна ваша!
Будь так полон здешний дом!»

И под мокрой епанчою
Задремал он над ковшом.
Вьюга ставнями стучала,
И в молчании летала
Стража польская кругом.

За гремящей самопрялкой
Страшно девице одной,

Страшно в тишине глубокой
Без родных и одинокой
Ей беседовать с тоской.

Но забылась — сон невольно
В деве побеждает страх;
Косами чуть-чуть вертится,
Голова к плечу клонится,
И томление в очах.

С треском вспыхнула лучина,
Тень мелькнула на стене,
В уголку без покрывала
Дева юная лежала,
Улыбаясь в тихом сне.

Глядь поляк — прелестной груди
Тихим трепетом дышат;
Он невольно взоры мечет,
Взор его желаньем блещет,
Щеки пламенем горят.

Цвет невинности нетронут,
Как в долине василек:
Часто светлыми косами
Меж шумящими снопами
Вянет скошенный цветок.

Но злодей! чу! треск булата —
Слышь — «К ружью!» — знакомый глас,
Настежь дверь — как вихрь влетает
В избу русский — меч сверкает...
Дерзкий, близок мститель-час!

Дева трепетна, смятенна,
Пробудясь, кидает взгляд;
Зрит: у ног поляк сраженный
Из груди окровавленной
Тащит с скрежетом булат.

Зрит, сама себе не верит —
Взор восторгом запылал:
«Ты ль, мой милый?» — восклицает,
Русский меч в ножны бросает,
Девицу жених обнял!

<1815>

К ДОРИДЕ

Дорида, Дорида! любовью все дышит,
Все пьет наслажденье притекшею весной:
Чуть зэфир, струясь, березу колышет,
И с берега лебедь понесся волной
К зовущей подруге на остров пустынный,
Над розой трепещет золотой мотылек,
И в гулкой долине любовью невинной
Протяжно вздыхает пастуший рожок
Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
Мне платишь за слезы и муки любви!
Вглядишь в мою бледность, в мой взор помраченный:
По ним ты узнаешь, как в юной крови
Свирепая ревность томит и сжигает!
Не внемлет... и в плясках, смеясь надо мной,
Назло мне красую подруг затемняет
И узников гордо ведет за собой.

1815

К К. Г.

Здравия полный фиал Игея сокрыла в тумане,
Резвый Эрот и хариты с тоскою бегут от тебя:
Бледная тихо болезнью на ложе твое наклонилась,
Сон сменяется стоном, моленьем друзей тишина.

Тщетно ты слабую длань к богине младой простираешь,
Тщетно — не внемлет Игея, молчит, свой целительный взор
Облаком мрачным затмила, и Скорбь на тебя изливает
С колкой улыбкою злобы болезни и скуки сосуд.

Юноша! что не сзовешь веселий и острого Мома?
С ними Эрот и хариты к тебе возвратятся толпой,
Лирой, звенящею радость, отгонят болезни и скуку
И опрокинут со смехом целебный фиал на тебя.

Дружба даст помощи руку, Вакх оживит твои силы,
Лила невольно промолвится, скажет, краснея, «люблю»,
С трепетом тайным к тебе прижимаясь невинною грудью,
И поцелуй увенчает блаженное время любви.

1815

ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих,
В сладких грезах отвился от матери, —

Тот в советах не мудрствует, на́ стены
Побежденных знамена не вешает,
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым,

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассеивает от взоров, — и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется,
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

1815 (?)

ДИФИРАМБ (1816. 15 АПРЕЛЯ)

Либер, Либер! я шатаюсь,
Все вертится предо мной,
Дай мне руку — и с землей
Я надолго распрощаюсь!

Милый бог, подай бокал,
Не пустой и не с водою, —
Нет, с той влагой золотою,
Чем я горе запивал!

Зол Амур, клянусь богами!
Зол, я сам то испытал:

Святотатец, разбавлял
Он вино мое слезами!

Говорят: проказник сам —
Лишь вино в бокал польется —
Присмирееет, засмеется
И хорош бывает к нам!

Так пои его ты вечно
Соком радостным твоим,
Царствуй, царствуй в дружбе с ним,
Возврати нам мир сердечный!

Как в то время я напьюсь,
В честь твою, о краснощекой!
Как я весело с жестокой,
Как я сладко обнимусь!

НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого ! Музы над прахом рыдают!
Их персты по лирам не движутся, голос в устах исчезает!
Амура забыли печальные, с цепью цветочною скрылся
Он в диком кустарнике, слезы катятся по длинным ресницам,
Забросил он лук и в молчаньи стрелу об колено ломает;
Мохнатой ногой растоптал свиристель семиствольную бог Пан.
Венчан осокую ручей убежал из повергнутой урны,
Где Бахус на тигре, с толпою вакханок и древним Силеном,
Иссечен на мраморе — тина льется из мраморной урны, —
И на руку нимфа склонясь печально плескает струею!

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! музы над прахом рыдают!
Веселье в Олимпе, Вулкан хромоногий подносит бессмертным
Амброзию, нектар подносит Зевсов прелестный любимец.
И каждый бессмертный вкушает с амброзией сладостный нектар,
И, отворотясь, улыбается Марсу Венера. И вижу
В восторге я вас, полубоги России. Шумящей толпою,
На копья склонясь, ожиданье на челах, в безмолвьи стоите.
И вот повернул седовласый Хрон часы, вот пресекли
Суровые парки священную нить — и восхитил к Олимпу
Святого певца Аполлон при сладостной песне бессмертных:
«Державин, Державин! хвала возвышенным поэтам! восстаньте,
Бессмертные, угостите бессмертного; юная Геба,
Омой его очи водою кастальскою! вы, о хариты,
Кружитесь, пляшите под лиру Державина! Долго не зрели
Небесные утешенья земли и Олимпа, святого пиита».

И Пиндар узнал себе равного, Флакк — философа — брата
И Анакреон нацедил ему в кубок пылающий нектар.
Веселье в Олимпе! Державин поет героев России.

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают.
Вот прах вещуна, вот лира висит на ветвях кипариса,
При самом рожденьи певец получил ее в дар от Эрмия.
Сам Эрмий уперся ногой натянуть на круг черепахи
Гремящие струны — и только в часы небесных восторгов
Державин дерзал рассыпать по ней окрыленные персты.
Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто, Пушкин?!
Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели, счастливец,
В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
Молися каменам! и я за другого молю вас, камены!
Любите младого певца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные персты!
Но и в старости грустной пускай он на лире,
Гремящей сперва, ударяя — уснет исчезающим звоном!

Июль 1816

ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ (К Платону)

Все изменилось, Платон, под скипетром старого Хрона:
Нет просвященных Афин, Спарты следов не найдешь,
Боги покинули греков, греки забыли свободу,
И униженный раб топчет могилу твою!

1816

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАННИКОВ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

Хор

Шесть лет промчались, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отчества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

1-й голос

О мать! Вняли мы признанью,
Кипит в груди младая кровь!
Длань крепко съединилась с дланью,
Связала их к тебе любовь.

Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела — кровь и труд.
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо — правды в суд.

Хор

Шесть лет промчались, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

2-ой голос

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас юных съединил
И в сем святом уединеньи
На службу музам посвятил!

Прими ж теперь не тех веселых,
Беспечной радости друзей,
Но в сердце чистых, в правде смелых,
Достойных благости твоей.

Хор

Шесть лет промчались, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

3-ий голос

Благословите положивших
В любви отечеству обет!
И с детской нежностью любивших
Вас, други наших резвых лет!

Мы не забудем наставлений,
Плод ваших опытов и дум,
И мысль об них, как некий гений,
Неопытный поддержит ум.

Хор

Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

4-ый голос

Друг на друге остановите
Вы вздор с прощальной слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,

То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет.
В несчастье — гордое терпенье,
И в счастье — всем равно привет!

Финал

Шесть лет промчались, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отчества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Апрель или май 1817

К ПУЩИНУ
(В альбом)

Прочтя сии разбросанные строки
С небрежностью на памятном листке,
Как не узнать поэта по руке,
Как первые не вспомнать уроки
И как не сказать на дружеском столе:
«Друзья, у нас есть друг и в Хороле»

май 1817

К А. Д. Илличевскому
(В альбом)

Пока поэт еще с тобой,
Он может просто, не стихами,
С твоей беседовать судьбой,
Открытой пред его глазами.

Но уж пророчественный глас
Мне предсказал друзей разлуку,
И Рок в таинственную руку
Уж забрал жребии для нас.

Готовься ж слышать предвещанья,
Страшись сей груди трепетания
И беспорядка сих власов!

Все, все грядущее открою!
Читай, — написаны судьбой
Вот строки невидимых слов
.....
.....

май 1817

К ШУЛЬГИНУ

Прощай, приятель! От поэта
Возьми на память пук стихов.
Бог весть, враждебная планета
В какой закинет угол света
Его, с младых еще годов
Привыкшего из кабинета
Не выставлять своих очков?
Бог весть, увидим ли разлуку,
Перекрестясь мы за собой?
Как обнимусь тогда с тобой!
Рука сама отыщет руку,
Чтоб с той же чистою душой —
Но, может быть, испившей муку —
Схватить ее и крепко сжать!
Как дружных слов простому звуку
Мне будет весело внимать!
Ты, может быть!.. но что мечтами,
Что неизвестным мучить нас?
Мне ль спорить дерзко со слезами,
Потечь готовыми из глаз?
Что будет — будет! с небесами
Нельзя нам спорить, милый друг!
Останься ж с этими стихами
До первого пожатья рук.

Май 1817

К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

И будет жизнь не в жизнь и радость мне не в радость,
Когда я дни свои безвестно перечту
И столь веселым мне блистающую младость,
С надеждами, с тоской оставлю, как мечту.
Когда как низкий лжец, но сединой почтенный,
Я устыжусь седин, я устыжусь тебя,
Мой друг, вожатый мой в страну, где, ослепленный,
Могу, как Фаэтон, я посрамить себя;
Когда о будущем мечтаний прежних сладость
Не усладит меня, а будет мне в укор —
И, светлый, гаснувшим и робким взглянет взор,
Тогда и жизнь не в жизнь и младость мне не в младость!

И будет жизнь не в жизнь и младость мне не в младость,
Когда души моей любовь не озарит
И, сотворенная мне в счастье и радость,
Не принесет мне их, а сердце отравит.
Когда молодой груди я видел трепетанье,
Уст слышал поцелуй, ловил желанья глаз,
И не завидуя, счастливый в ожиданье,
Когда, измученный, не буду знать я вас, —
Тогда к чему мне жизнь, к чему мне в жизни младость,
И в младости зачем восторги и мечты?
Я для того ль срывал их вешние цветы,
Чтоб жизнь была не в жизнь и радость мне не в радость?

Май 1817

ТРИОЛЕТ К. ГОРЧАКОВУ

Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо,
Звездами, почестями гордясь!
Тебе желаю, милый князь,
Видать любовь от черных глаз:
То для тебя, ей-ей, не диво.
Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо!

Май 1817

К ДРУЗЬЯМ

Я редко пел, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царский сад, тебя ль забуду я?

Твоей красой волшебной забавляясь
Проказница фантазия моя,
И со струной струна перекликалась,
В согласный звон сливаясь под рукой, —
И вы, друзья талант любили мой.

Все ж песни вам от сельского поэта!
Любите их за то хоть, что мои.
Бог весть куда умчитесь в шуме света
Все вы, друзья, все радости мои!
И, может быть, мечты моей Лилета
Там будет мне мучением любви;
А дар певца, лишь вам в пустыне милый,
Как василек, не доцветет, унылый.

Май 1817

В АЛЬБАУМ

Не мило мне на новоселье,
Здесь все увяло, там цвело,
Одно и есть мое веселье —
Увидеть Царское Село!

— Что ты, цветочек, увядаешь,
Мной сорванный с родных полей?
Иль, гость весенний, ты не знаешь
Завидной участи своей?
Гордись, гордись! — Благоухаешь
Ты в злате Лилиных кудрей!

— «О кудри мягки, их дыханье
Благоуханней пышных роз;
Но в злате их мне жизнь — страданье,
А счастье там, где я возрос!»

— Цветок мой, тише! Сколько Лилой
Потратится жемчужных слез,
Когда сей жалобе унылой
Пришлось и ей со мной внимать!
Ты жалок мне, цветочек милый!
— «Что сожалеть! Зачем срывать!»

Май 1817 (?)

СТИХОТВОРЕНИЯ 1817-1831 ГОДОВ

А.С.ПУШКИНУ
(из Малороссии)

А я ужель забыт тобою,
Мой брат по музе, мой Орест?
Или нельзя стеснить мечтою
До тех обетованных мест,
Где я зовуся *чернобривым*,
Где девы, климатом счастливым
Воспитанные в простоте,
(Посмейся мне!) не уступают
Столичным дамам в красоте,
Где взоры их мне обещают
Одну веселую любовь,
Где для того лишь изменяют,
Чтобы пленить собою вновь? —
Как их винить? — Сама природа
Их баловница на полях;
Беспечных мотыльков свобода,
Разнообразие в цветах
И прелесть голубого свода
В спокойных влитого вода,
Лежащих в шумных камышах,
И яблонь тихая прохлада,
И лунных таинство ночей,
Когда любовник в мраке сада
Ждет умирения огней,
Когда душа его томится
И ожиданием и тоской,
И даже ветерка страшится
И свиста иволги лестной —
Все манит здесь к изменам, к неге,
Все здесь твердит: «Чета любви!
Любовь летит — лови, лови!»

Но в тряске, скачущей телеге,
Мой друг, приятно ли мечтать?
И только мысль: тебя обнять,
С тобой делить вино, мечтанья
И о былом воспоминанья —
Меня в ней может утешать.

1817

ПРИЗВАНИЕ

Дева, дева! в сень дубравы,
К речке, спящий в камышах,
Приходи: Эрот суровый
Мне уж в трех являлся снах!

Две стрелы спустил он с лука
К двум противным сторонам —
Знаю, нам грозит разлука,
Сердце верит вещим снам.

Скоро ль тяжкие мученья
Уладишь лобзаньем ты
И мгновеньем наслажденья
Утолишь мои мечты?

Друг, поверь, что я открою:
Время с крыльями! — лови!
Иль оно умчит с тобою
Много тайного в любви!..

Бойся строгого Гимера!
За решеткой и замком
Знает разницу Климена
Быть в венце и под венцом.

* * *

В сей книге, в кипе сей стихов
Найдут следы моих мечтаний,
Которые, как жизнь блестящих мотыльков,
Как сны волшебные младенческих годов,
Исчезли — а меня с толпой забот, страданий
Оставили бороться одного.
Я благодарен вам, о боги! ничего
Не нужно для моих умеренных желаний.
Я много получил, чтобы в родной стране,
Трудясь, счастливой предаться тишине:
Спокойствие души, запас воспоминаний
И бедный к песням дар но вами данный мне.

13 ноября 1818

К Е. А. КИЛЬШТЕТОВОЙ

Я виноват, Елена! перед вами,
Так виноват, что с вашими глазами
Не знаю, как и встретится моим!
А знаете ль, как это больно им?
Ах, для меня на свете все постыло,
Коль не глядеть на то, что сердцу мило,
Коль свежих уст улыбку не поймать,
Мелькнувшую по вспыхнувшим ланитам,
И грудь под дымкою не наблюдать,
Какую бы, скажу назло пиитам,
Дай бог иметь и греческим харитам.
Подумайте ж, как трудно мне лишать
Свои глаза тех сладостных мгновений,
Когда б они на вас могли взирать
И ваших ждать, как божьих, повелений.
А как велеть медлительной руке
Все уписать на памятном листке,
О чем всегда я мыслю и мечтаю,
Что сам себе за тайну поверяю!
Нет, не могу, Елена! Пусть иной
Вас назовет богинею весной,
Иль Душенькой, или самой Венерой;
Пушкой он, слух обворожая наш,
Опишет вас прекрасной, страстной мерой!
И сей портрет не будет верно ваш!
Вы на богинь не схожи, не жалеите!
Тщеславия пустого не имейте
Похожей быть на мрамор! Фидий сам
Признался бы, что он подобной вам
Обязан был прелестным идеалом
Своих богинь. Их вера покрывалом
Задержнула и освятил обман,
И окружен чернью истукан.
И, может быть, виновница их славы
Ходила тож просить богинь забавы,
Чтобы всегда был Фидий верен ей.
Тебя ль забыть! Ты красоте своей,
А не мольбе обязана, гречанка.
И милая, младая россиянка
Захочет ли, чтоб кто ее сравнил,
И в похвалу, с ее изображеньем?
Куда бы я попал с таким сравненьем?
Нет, хорошо, что вас я не хвалил!

1818

МОЯ ХИЖИНА

Когда я в хижине моей
Согрет под стеганым халатом,
Не только графов и князей —
Султана не признаю братом!
Гляжу с улыбкою в окно:
Вот мой ручей, мои посевы,
Из гроздий брызжет тут вино,
Там птиц домашних полны хлевы,
В воде глядится тучный вол,
Подруг протяжно призывая, —
Все это в праздничный мой стол
Жена украсит молодая.

А вы, моих беспечных лет
Товарищи в весельи, в горе,
Когда я просто был поэт
И света не пускался в море —
Хоть на груди теперь иной
Считает ордена от скуки,
Усядьтесь без чинов со мной,
К бокалам протяните руки,
Старинны песни запоем,
Украдем крылья у веселья,
Поговорим о том о сем,
Красноречивые с похмелья!

Признайтесь, что блажен поэт
В своем родительском владенье!
Хоть на ландкарте не найдет
Под градусами в протяженье
Там свой овин, здесь огород,
В ряду с Афинами иль Спартой;
Зато никто их не возьмет
Счастливо выдернутой картой.

1818

ОСЕННЯЯ КАРТИНА

Когда земля отдаст плоды
Трудов зимы, весны и лета,
И, желтой мантией одета,
Везде печальные следы,
Являет роскоши минувшей,
Подобно радости мелькнувшей
Быстрее молнии небес;

Когда вершиной черный лес,
Шутя, качает над туманом
И, запоздалый, с океаном
Усталый борется пловец,
Тебе, Нептун, дает обеты,
Чтоб не испить с струею Леты
Отрады горестных сердец. —
Я на коне скачу ретивом
И по горам и по полям,
И вихрем веселюсь игривым,
Который мчится по степям,
Из-под копыт с листом и прахом;
И селянин его со страхом
Под вечер торопясь домой,
Бродящей тенью почитает,
Которую Харон седой
В Аидов дом не пропускает
Ее протяжный слыша вой.

1818

К ИЛЛИЧЕВСКОМУ
(В Сибирь)

Я благотворности труда
Еще, мой друг, не постигаю!
Лениться, говорят, беда, —
А я в беде сей утопаю
И пробудившись, забываю
О чем заботился вчера.
Мне иногда твердят: «Пора
Сдавить стихи твои станками:
Они раскупятся друзьями,
Друзья им прокричат: ура!
Веселые за полной чашей
Тогда, сударь, от славы вашей,
Или от вашего вина
Заговорит вся сторона
От Бельта до Сибири скучной,
Куда с запиской своеручной,
Пошлете другу толстый том». —
Все хорошо, но я не в том
Свое блаженство полагаю:
За стих не ссорюся с умом,
А рифму к рифме приплетаю,
Лениво глядя за пером.
Напишет мне — я читаю;
Я читаю их друзьям:
Люблю внимать их похвалам,

Когда их похвалы достоин.
И я слышал, что плох тот воин
Кто быть не думает вождем!
Так мыслю я, меж тем пером
Мешая истину с мечтами,
Почти забыл, что мы с тобой
Привыкли говорить сердцами, —
Забыл, что. друг далекий мой,
Прочтя мою систему лени,
Но неизвестный о друзьях,
По почте мне отправит пени
Наместо нежных уверений,
Что он и в дальних тех странах
Своих друзей не забывает,
Где мир, дряхлеющий во льдах,
Красою дикой поражает;
Что, как мелькнувшая весна
Там оживляет все творенье,
Так о друзьях мечта одна
Его приводит в восхищенье,
Его уносит в светлый край
Златых надежд, воспоминаний,
Где нет забот, где нет страданий
И слова грозного: *прощай!*
Будь счастлив, друг! не забывай
Веселых дней очарованья
И резвых спутников твоих!
Вот непритворные желанья
Далекому от круга их,
От круга радости веселой,
Где дружба нас и сын Семелы
Привыкли часто собирать,
Где можно все заботы света
С мундиром, с фракком скидавать,
Без лести похвалить поэта
И обо всем потолковать.

1818

УТЕШЕНИЕ БЕДНОГО ПОЭТА

Славы громкой в ожиданьи
Много я терплю,
Но стихов моих собранье
Все хранить люблю.

Мне шепнули сновиденья:
«Закажи ларец,
Спрячь туда свои творенья
И залей в свинец!»

Пусть лежат! чрез многи лета,
Знай, придет пора,
И четыре факультета
Им вскричат: “ура!”»

Жду и верю в исполненье!
Пролетят века,
И падет на их творенье
Времени рука.

Пышный город опустеет,
Где я был забвен,
И река позеленеет
Меж упавших стен.

Суеверие духами
Башни населит,
И с упавшими дворцами
Ветр заговорит.

Но напрасно сожаленье!
Здесь всему черед!
И лапландцев просвещенье
Весело блеснет.

К нам ученые толпою
С полюса придут
И счастливою судьбою
Мой ларец найдут.

В Афинее осторожно
Свиток разверня,
Весь прочтут и сколь возможно
Вознесут меня:

«Вот Дион, о, сам Гораций
Подражал ему!
А Лилета дело граций,
Образец уму!»

Сколько прений появится:
Где, когда я жил,
Был ли слеп, иль мне родиться
Зрячим бог судил?

Кто был Лидий, где Темира
С Дафною цвела,
Из чего моя и лира
Сделана была?

Други, други, обнимите
С радости меня,
Вы ж, зоилы, трепещите,
Помните, кто я.

<1819>

ЭПИТАФИЯ (Экспромт)

Прохожий! здесь лежит философ-человек,
Он прóспал целый век,
Чтоб доказать, как прав был Соломон,
Сказав: «Все суета! все сон!»

<1819>

ПЕСНЯ

Как ни больно сердца муки
Схоронять в груди своей,
Но больнее в час разлуки
Не прижать родную к ней,

Не услышать слово «милый»,
Не понять понятный взгляд,
И мучений ждать уныло
Вместо всех себе наград.

Все ж не больно, есть больнее,
Чем страдаю, чем терплю!
Я б хотел любить нежнее,
Некому ж сказать «люблю».

Сердце ищет разделиться,
Но кого и где найти?
Как слезам из глаз не литься,
Как цветку не отцвести?

<1819>

В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

С годом двадцать мне прошло!
Я пирую, други, с вами,
И шампанское в стекло
Льется пенными струями.
Дай нам, благостный Зевес,

Встретить новый век с бокалом!
О, тогда с земли без слез,
Смерти мирным покрывалом
Завернувшись, мы уйдем
И за мрачными берегами
Встретясь с милыми тенями,
Тень *Аи* себе нальем.

6 августа 1819

Е. А. Б...ВОЙ
(ОТСЫЛАЯ ЕЙ ЗА ГОД ПЕРЕД ТЕМ ДЛЯ НЕЕ ЖЕ НАПИСАННЫЕ СТИХИ)

Когда Амур еще был вашим богом
И грации вас кликали сестрой,
Когда самой Психее красотой
Вы уступить могли, ей-ей! не в многом, —
Я как поэт, как важной музы жрец,
Лишь истине и красоте служащий,
Дерзал вас петь и свежестью блестящей
Вам из цветов парнасских плел венец,
И, признаюсь, я часто в восхищеньи
Вас представлял читающих тайком
Мои стихи в безмолвном умиленьи,
И жадно ждал, когда своим певцом
Счастливого меня вы назовете
И уголок мне в сердце отведете!
Я так мечтал! Вдруг добрым Гименей
Сменил у вас повесу Купидона,
И от харит вас приняла Юнона, —
Я в радости возжег мастики ей
(Хотя не так люблю я эту даму:
Не стыдно ли ей к мужу ревновать?)
И написал притом эпиталаму.
Но вот беда! мне страшно показать
Вам прежние стихи мои, Елена!
Что, если ваш супруг, хоть он поэт
(Но у меня к женатым веры нет),
Вообразит, что я согнул колена,
Как влюбчивый пред вами Селадон!
Нет, можно ли, чтоб так ошибся он?
Мне нечего поэта опасаться!
Я вас предал потомству, хоть в мечте:
Он знает, мы привыкли поклоняться
Как божествам уму и красоте.

1819

К ЕВГЕНИЮ

За то ль, Евгений, я Гораций,
Что пьяный, в миртовом венке,
Пою вино, любовь и граций,
Как он, от шума вдалеке,
И что друзей люблю — старинных,
А жриц Венеры молодых;

Нет, лиру высоко настроя,
Не в силах с музою моей
Я славить бранный лавр героя
Иль мирные дела судей —
Мне крыльев не дано орлиных
С отверстным поприщем для них.

К тому ж напрасно муза ищет
Теперь героев и судей!
Домой бичом отважно хлещет
По стройному хребту коней,
А Клит в объятиях Цирцеи
Завялою душою спит.

Когда ж мне до вершин Парнаса,
Возвыся громкий глас, возвесть?
Иль за ухо втащить Мидаса
И смех в бессмертных произвесть?
Вернее в храме Цитереи,
Где сын ее нам всем грозит,

Благоуханной головою
Поникнул, Лидии младой
Приятно нежить слух игрою,
Воспеть беспечность и покой,
И сладострастия томленье,
И пламенный восторг любви,

Покинуть гордые желанья,
В венок свой лавров не вплетать
И в час веселого мечтанья
Тихонько Флакку подражать
В науке дивной, в наслажденьи
И с ним забавы петь свои.

1819

* * *

Друзья, поверьте, не грешно
Любить с вином бокал:
Вино на радость нам дано —
Царь Соломон сказал.
Будь свят его закон!
Солгать не смел ты так в Библии дерзко,
Мудрец и певец Соломон!

Что ж Соломону вопреки
Глупцы вино бранят?
Простить им можно: дураки
Не знают, что творят.
Таков второй закон!
Хмельной, забыл о нем в Библии, верно,
Мудрец и певец Соломон.

Любил плясать король Давид,
А что же Соломон?
Он о прыжках не говорит;
Вино все хвалит он!
Великий Соломон!
Друзья! признайтесь, в библии точно
Мудрец и певец первый он.

1819

ВИДЕНИЕ (Кюхельбекеру)

В священной роще я видел прелестную
В одежде белой и с белою розою
На нежных персях, дыханием легким
Колеблемых;

Венок увядший, свирель семиствольная
И посох деву являли пастушкою;
Она сидела пред урною,
Изливающей

Источник светлый, дриад омовение, —
По плечам кудри, свиваяся, падали.
«Кто ты? — я думал, — откуда, гостья
Небесная?

Не ты ли радость, любимица Зевсова?
Но то уныла! Не ты ли Фантазия,

Подруга граций и муз, о небе
Поющая?

Иль, может, призрак, душа отлученная
От нашей жизни, в последнее слушаешь
И шепот листьев, и плеск и лепет
Источника?»

Но взор желанья, на волны потупленный,
Но вера в счастье беспечность невинности
В простых движеньях, в лице являясь,
Прелестную

Моею звали сестрой по созданию.
Вдали за рощей и девы и юноши
Хвалили Вакха и в хороводах
Кружились;

Сатиры, фавны, в порывах неистовых,
Делили с ними земные веселия
И часто, в рощу вбежав, над девой
Смеялись.

Она в молчаньи фиалки и лилии
В венок вплетала. О други, поверьте ль,
Какое чудо в очах поэта
Свершилось!

Еще восторги во мне не потухнули,
Священный ужас томит меня, волосы
Дрожат, я слышу, глаза не видят,
Не движутся.

Вотще манила толпа, упоенная
И негой страсти и жизньию младости,
Во храм роскошный златой Киприды
Невинную!

Она молчала, не зрела, не слушала!
Вдруг ужас, смертным доселе неведомый,
Погнал от рощи непосвященных,
И амброю

Древа дохнули, запели пернатые,
Источник стихнул, и все обновилось,
Все отозвалось мне первым утром
Создания,

Прекрасным мигом рожденья Кипридина
Из недр Фетиды, Олимпом ликующим,

Когда с улыбкой Зевс внимает
Гармонии.

И ждал я чуда в священном безмолвии!
Вдруг дева с криком веселья воспрянула,
Лазурный облак над ней, расстлавшись,
Заискрился,

Одежда ярким сияньем осыпалась,
К плечам прильнули крылья мотыльковые,
И Эрос* принял ее в объятия
Бессмертные!

Все небо плеском создания откликнулось,
Миры и солнца в гармонии поплыли,
И все познали Хаос улыбкой
Разгнавшего,

Любовь, связь мира, дыханье бессмертия,
Тебя познали, начала не знающий,
О Эрос! счастье воздатель чистой
Невинности.

Ты видел в юной любовь непорочную,
Желанье неба, восторгов безоблачных,
Души, достойной делиться с нею
Веселием;

И тщетно взором искал между смертными
Ты ей по сердцу и брата, и равного!
Вотще! Для неба цветет в сей жизни
Небесное!

Метатель грома здесь сеет высокое,
Святое — музы, ты ж, дивной улыбкою
Миры создавший, — красу, невинность
И радости!

Лишь ты небесный супруг непорочности!
С тобой слившись, она упоенная
В эфире скрылась! Тебя я славлю,
Божественный.

1819 или 1820

¹ Эрос — любовь, первый и древнейший бог греческой мифоло-гии, создатель вселенной, не имеющий начала, и отец всех богов. Мы встречаем в стихотворцах, и особенно в философах Александрийской школы, другого еще Эроса, сына, а иногда брата Венеры Урании, бога чистой любви, которого не должно смешивать с Купидоном, греческим Приапом, известным из творений новейших поэтов под названием Амура, Эрота и Цифрепора. Здесь оба божества слиты в одно, как то часто случается у поэтов греческих, например Гелиос и Аполлон, Немезида и Диана нередко означают разных, нередко одних и тех же богов и богинь.

НАДПИСЬ
НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИЙСКОГО МЕРКУРИЯ

Перст указывает на даль, на главе развилися крылья,
Дышит свободою грудь; с легкостью дивною он,
В землю удара крылатой ногой, кидается в воздух...
Миг — и умчится! Таков полный восторга певец.

1819 или 1820

КУПИДОНУ

Сидя на льве, Купидон будил радость могущею лирой,
И африканский лев тихо под ним выступал.
Их ваятель узрел, ударил о камень — и камень
Гения сильной рукой в образе их задышал

1819 или 1820

ХОР
ИЗ КОЛИНОВОЙ ТРАГЕДИИ «ПОЛИКСЕНА»

Гёлиос, Гёлиос!
Там в беспредельности моря
Снова подъемлешь главу
В блеске лучей.
Горе мне, горе!
Снова я плачу
В сретенье бога!
Через пучину —
С тяжкими вздохами
Слышишь мои ты стенания!

Смолкните, смолкните
Вы, растерзанной груди
Муки жестокие!
Пленнице мне
Горе, горе!
Скоро укажет мне
Грозной рукою грек,
Скоро сокроется
Берег священный отечества!

Троя! Троя!
Ты не элинами
Ринута в прах,

«Гибель, гибель!» —
Было грозных бессмертных
Вечное слово.
Пала — отгрянул Восток,
Запад содрогнулся.

Троя! Троя!
Феба любимица,
Матерь воителей,
Жизнью кипевшая!
Ныне — пустыня, уголь, прах,
Ныне — гроб!
Плачьте, о пленницы!
Ваших супругов гроб,
Ваших детей!
Выплачьте горькую,
Выплачьте жизнь вы слезами!
Рок ваш: плакать, плакать,
К долу прилечь,
Умереть!

1819 или 1820

ПОЭТ

Что до богов? Пускай они
Судьбами управляют мира!
Но я, когда со мною лира,
За светлы области эфира
Я не отдам златые дни
И с сладострастными ночами.
Пред небом тщетными мольбами
Я не унижуся, нет, нет!
В самом себе блажен поэт.

Всегда, везде его душа
Найдет прямое сладострастье!
Ему ль расслабнуть в неге, в счастье?
Нет! взгляните: в бурное ненастье,
Стихий свободою дыша,
Сквозь дождь он город пробегает,
И сельский Аквилон играет
На древних дикостью скалах
В его измокших волосах!

Познайте! Хоть под звук цепей
Он усыплялся б в колыбели,
А вокруг преступники гремели
Развратной радостью в хмели, —
И тут бы он мечте своей

Дал возвышенное стремленье,
И тут бы грозное презренье
Пророку грянуло в ответ,
И выше б рока был Поэт.

<1820>

УСПОКОЕНИЕ

В моей крови
Огонь любви!
Вотще усилья,
Мой Гиппократ!
Уж слышу — крылья
Теней шумят!
Их зрю в полете!
Зовут, манят —
К подземной Лете,
В безмолвный ад.

<1820>

ПЕРЕВОДЧИКУ ВЕРГИЛИЯ

Ты переводчик, я читатель,
Ты усыпитель — я зеватель.

<1820>

Ф. Н. ГЛИНКЕ (ПРИСЫЛАЯ ЕМУ ГРЕЧЕСКУЮ АНТОЛОГИЮ)

Вот певцу Антология, легких харит украшень,
Греческих свежих цветов вечно пленяющий пух!
Рви их, любимец богов, и сплетай из них русским Каменам
Неувядаемые, в Хроновом царстве, венки.

<1820>

ЕВГЕНИЮ

Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела),
Когда мы с Амуром и Вакхом
Тихо, но смело прокралися в терем Лилеты? И что же?
Бессмертные нам изменили!

К чаше! герои Киприды вином запивают победы!
Мы молоды, — юность, как роза,
Мигом пленит и увянет! А радость? Она — Филомела
Прелестная! Только в дни розы,

Только в дни юности нам попоет сладкозвучные песни
И вспóрхнет! За крылья златую!
Ты опутай летунью цветочною цепью, ты амброй
Окуривай перья и кудри,

Нежно рукою ласкай ее легко-упругие груди
И с резвою пой и резвися!
Будем стары и мы! Тогда, браня ветренность внука,
Украдкой вздохнем и друг другу

Сладко напомним, седые! о наших любовных проказах:
Измену Лилеты, в досаде
Нами разбитые вазы и Аргусов дикую стаю!
Но кто на героев Киприды?

Дерзкие пали, дверь отскочила, и мы отступили,
Хвалясь и победой, и мщеньем.
«Друг, все прошло, — ты шепнешь, — но при нас еще дружба и Бахус.
Дай руку и вспеним фиалы!»

<1820>

ЛЕКАРСТВА ОТ НЕСЧАСТИЯ

Если мне объявят боги:
«Здесь ты горе будешь пить!»
Я скажу: «Вы очень строги!
Но я все ж останусь жить».

Горько ль мне — я разделяю
С милой слезы в тишине!
Что ж на небе, я не знаю,
Да и знать не нужно мне!

Мне великую науку
Дед мой доктор завещал:
«Дружбою, — он пишет, — скуку
И печаль я исцелял;

Он любви лечил несчастной
Состаревшимся вином;
Вообще же безопасно
Все лечить несчастья — сном».

<1820>

РОМАНС

— Проснися, рыцарь, путь далек
До царского турнира,
Луч солнца жарок, взнуздан конь,
Нас ждет владыка мира!

— «Оставь меня! Пусть долог путь
До царского турнира,
Пусть солнце жжет, пусть ждет иных
К себе владыка мира!»

-- Проспися, рыцарь, пробудись!
Сон по трудам услада;
Спеши к столице! Царска дочь
Храбрейшему награда!

— «Что мне до дочери царя?
Мне почестей не надо!
Пусть их лишушь, оставь мне сон,
Мне только в нем отрада!

Имел я друга — друга нет,
Имел супругу — тоже!
Их взял создатель! я ж молюсь:
К ним и меня, мой боже!

Ложусь в молитве, сон два
Глаза покроет — что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидают ложе.

Меня ласкают, говорят
О царстве божьем, нежно
Мне улыбаются, манят
Меня рукою снежной!

Куда? За ними! Но привстать
Нет сил! Что сплю я, зная!
Но с ними жить и не в сне я рад,
И в сне их зреть желаю!»

<1820>

ЭПИГРАММА РЕЦЕНЗЕНТУ ПОЭМЫ
«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Хоть над поэмою и долго ты корпишь,
Красот ей не придашь и не умалишь! —
Браня — всем кажется, ее ты хвалишь;
Хваля — ее бранишь.

1820

ПЕСНЯ

«Дедушка! — девицы
Раз мне говорили, —
Нет ли небылицы
Иль старинной были?»

— «Как не быть! — уныло
Красным отвечал я, —
Сердце вас любило,
Так чего не знал я!

Было время! где вы,
Годы золотые?
Как пленяли девы
В ваши дни былые!

Уж они — старушки;
Но от них, порою,
Много на подушки
Слез пролито мною.

Душу волновали
Их уста и очи,
По огню бежали
Дни мои и ночи».

— «Дедушка, — толпою
Девицы вскричали, —
Жаль нам, а тобою
Бабушки играли!

Как не стыдно! злые,
Вот над кем шутили!
Нет, мы не такие,
Мы б тебя любили!»

— «Вы б любили? сказки!
Веры мне нейдется!
И на ваши ласки
Дедушка смеется».

1820

ОТВЕТ

Зачем на меня ты и глупость, и злобу,
Плетнев, вызываешь нескромной хвалой?
К чему величаешь любовью бессмертных
Простого певца?

Так, были мгновенья ниспосланы Фебом:
Я плавал в восторгах, я небом дышал!
Я пел — и мне хором, веселые, вторить
Любили друзья.

Я пел, но в то время роскошная младость
Мне жизнь озаряла волшебным лучом:
Я веровал в счастье, я жаждал любви,
Я славой горел!

И опыт суровый смирил обольщенья,
Мой взор прояснился; но скрылись мечты,
За ними и счастье, и прелесть любви,
И славы призрак.

Как слушал Лаэртид, привязанный к мачте,
Волшебные песни Скилийских Сирен
И тщетно к ним рвался — упрямые верви
Держали его, —

Так я, твоей лирой печально пленяясь,
Вотще порываюсь к святым высотам,
Знакомым бывало, и в робкие струны
Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновений:
Мне путь на родную страну возбранен,
И глас мой подобен унылому гласу,
Жестоким стрелком

Подстреленной птицы, когда завывают
Осенние ветры и к теплым странам
Веселую стаей при кликах несутся
Подруги ее.

1820

К ЛАСТОЧКЕ

Что мне делать с тобой, докучная ласточка!
Каждым утром меня — едва зарумянится
Небо алой зарей и бледная Цинтия
Там в туманы покатится, —
Каждым утром меня ты криком безумолчным
Будишь, будто назло! А это любимое
Время резвых детей Морфея, целительный
Сон на смертных лиющего.
Их крылатой толпе Зефиры предшествуют,
С ним сам Купидон летает к любовникам
Образ милых казать и счастьем мечтательным
Тешит жертвы Кипридины.
Вот уж третью зарю, болтливая ласточка,
Я с Филидой моей тобой разлучаюсь!
Только в блеске красы пастушка появится
Иль Психеей иль Гебою,
Только склонит ко мне уста пурпуровые
И уж мой поцелуй, кипя нетерпением,
К ним навстречу летит, ты вскрикнешь — и милая
С грезой милой скрывается!
Ныне был я во сне бессмертных счастливее!
Вижу, будто бы я на берегу Пафоса,
Сзади храм, вокруг меня и лилии,
Я дышу ароматами.
Взор не может снести сиянья небесного,
Волны моря горят, как розы весенние,
Светлый мир в торжестве и в дивном молчании,
Боги к морю склонились. —
Вдруг вскипели валы и пеной жемчужною
С блеском вьются к берегам, и звуки чудесные
Слух мой нежат, томят, как арфа Еолова,
Я гляжу — вдруг является...
Ты ль рождаешься вновь из волн, Аматузия?
Боги! пусть это сон! Филида явилась
С той же лаской в очах и с той ж улыбкою —
Я упал, и, отчаянный,
«Ах, богиня! — вскричал, — зачем обольстить меня?
Ты неверна, а я думал Филидою
Век мой жить и дышать!» — «Утешься, обманутый,
Милый друг мой! (воскликнула)
Снова в наших лугах Филида, по-прежнему
В свежих кудрях с венцом, в наряде пастушеском —
Друг, утешься, я все...» Болтливая ласточка,
Ты крикунья докучная,
Что мне делать с тобой — опять раскричалась!
Я проснулся — вдали едва зарумянилось
Небо алой зарей, и бледная Цинтия
Там в туманы скатилась.

ЭПИТАФИЯ

Завидуйте моей судьбе!
Меня счастливы не искали,
Я век не думал о себе,
А не видал в глаза печали.

1820

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой.
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Все темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девичам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,

Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую
Как в могилу
Кинешься!

1820 или 1821

КРЫЛОВУ

Уж не тот поэт беспечный,
Товарищ резвых светлых дней,
Когда Эрот и Бассарей
Мне говорили: друг мы вечны!
Пусть дни и годы скоротечны,
Но мы с тобой — люби и пей!
Они ушли, лета златые,
Когда от чаши круговой
Эрот, хариты молодые
И смехи шумною толпой
Меня влекли к ногам Эльвиры.
Крылов, в то время голос мой,
Под звуки вдохновенной лиры,
Непринужденно веселил
Веселостью непринужденной.
А ныне твой поэт, лишенный
Неопытных, но смелых крил,
Венком поблекшим украшенный,
На землю бедную ступил,
И опыт хладный заключил
Его в жестокие объятья.
В боязни Фебова проклятья
Ленюся я стихи писать,
Лишь иногда во дни ненастья
Люблю о вёдре вспоминать
И мной не ведомого счастья
Поэтам-юношам желать.

1820 или 1821

ГЕНИЙ-ХРАНИТЕЛЬ

Грустный душою и сердцем больной, я на одр мой недавно
Кинулся, плакать хотел — не мог и роптал на бессмертных.
Все испытанья, все муки, меня повстречавшие в жизни,
Снова, казалось, и вместе на душу тяжелые пали.

Я утомился, и сон в меня усыпление пролил:
Вижу — лежу я на камне, покрытый весь ранами, цепи
Руки мои бременят, надо мною стоит и рыдает
Юноша светлый, крылатый — создание творящего Зевса.
«Бедный товарищ, терпенье!» — он молвил мне. (Сладость внезапно
В грудь мою полилась, и я жадно стал дивного слушать)
«Я твой гений-хранитель! вижу улыбку укора,
Вижу болезненный взгляд твой, страдалец невинный, и плачу.
Боги позволили мне в сновиденьи предутреннем ныне
Горе с тобой разделить и их оправдать пред тобою.
Любят смертных они, и уж радость по воле их ждет вас
С мрачной лады принять и вести в обитель награды.
Но доколе вы здесь, вы игралище мощного рока;
Властный, законы ужасные пишет он паркам суровым.
Эрмий со мною (тебя еще не было) послан был Зевсом
Миг возвестить, когда им впрясть нить своей жизни.
Вняли веленью они и к делу руки простерли.
Я подошел к ним, каждую собственным именем назвал,
Низко главу наклонил и молил, всех вместе и розно,
Ровно нить сию прясть иль в начале ее перерезать.
Нет! И просьбы и слезы были напрасны! Дико
Песню запели они и в перстах вретено закружилось».

1820 или 1821

В АЛЬБОМ П. А. СПА-КОЙ

Я не привык альбомы наполнять
Надеждами, желаньями и лестью.
А к вам еще позвольте мне сказать
Ужасною я пламенею мезтью.
Недели три и, помнится, с тех пор,
Когда альбом вы этот мне отдали,
Чтоб я, с пелен парнасских крохобор,
Вписал в его воздушные скрижали
Для памяти вам с рифмами кой-что.
Для памяти? Признаться, вряд ли кто
Похвалится такой судьбой завидной!
Итак, альбом вы помните, как видно,
Поболее знакомых ваших! Что ж?
Вам бог простит. Я на последний грош
Готов свечу пред образом поставить
И перед ним день целый пролежать,
Лишь только б мог вас хоть альбом заставить
Меня в часы безделья вспоминать.

1820 или 1821

РОМАНС

«Сегодня я с вами пирую, друзья,
Веселье нам песни заводит,
А завтра, быть может, там буду и я,
Откуда никто не приходит!» —

Я так беззаботным друзьям говорил
Давно, — но от самого детства
Печаль в беспокойном я сердце таил
Предвестьем грядущего бедства.

Друзья мне смеялись, и, свежий венец
На кудри мои надевая,
«Стыдись, — восклицали, — мечтатель-певец!
Изменит ли жизнь молодая!»

Война запылала, к родным знаменам
Друзья как на пир пролетели;
Я с ними — но жребьи, враждебные нам,
Мне с ними расстаться велели.

В бездействии тяжком я думой следил
Их битвы, предтечи победы;
Их славою часто я первый живил
Родители грустных беседы.

Года пролетали, я часто в слезах
Был черной повязкой украшен. . .
Брань стихла, где ж други? лежат на полях,
Близ ими разрушенных башен.

С тех пор я печально сижу на пирах,
Где все мне твердит про былое;
Дрожит моя чаша в ослабших руках:
Мне тяжело веселье чужое.

1820 или 1821

К Е.

Ты в Петербурге, ты со мной,
В объятьях друга и поэта!
Опять прошедшего мы лета,
О трубадур веселый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять нас ветвями покрыли
Густые рощи островов
И приняла на шумны волны
Нева и братьев и певцов.

Опять веселья, жизни полный,
Я счастлив радостью друзей;
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнью довольный,
С беспечной музою моей
Друзьям пою: любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Поют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают
Часов однообразный бой.
Часы бегут своей чредой!
Удел глупца иль Гераклита,
Безумно воя, их считать.
Смешно бы, кажется, кричать
(Когда златым вином налита,
Обходит чаша вокруг столов
И свежим запахом плодов
Нас манят полные корзины),
Что все у бабушки судьбины
В сей краткой жизни на счету,
Что старая то наслажденье,
То в списке вычеркнет мечту,
Прогонит радость; огорченье
Шлет с скукой и болезнью нам,
Поссорит, разлучит нас с милой;
Перенесем, глядишь — а там
Она грозит нам и могилой.
Пусть плачут и томят себя,
Часов считают бой унылый!
Мы ж время измерять, друзья,
По налитым бокалам станем —
Когда вам петь престану я,
Когда мы пить вино устанем,
Да и его уж не найдем,
Тогда на утро мельком взглянем
И спать до вечера пойдем.

О, твой певец не ищет славы!
Он счастья ищет в жизни сей,
Свою любовь, свои забавы
Поет для избранных друзей
И никому не подражает.
Пускай Орестов уверяет,
Наш антикварий, наш мудрец,
Почерпнувший свои познания
В мадам Жанлис, что твой певец
И спит и пьет из подражанья;
Пусть житель острова, где вам,

О музы вечно молодые,
Желая счастья сынам,
Вверяет юношей Россия,
Пусть он, с священных сих берегов,
Невежа злой и своевольный
И глупостью своей довольный,
Мою поносит к вам любовь:
Для них я не потрачу слов —
Клянусь надеждами моими,
Я оценил сих мудрецов —
И если б я был равен с ними,
То горько б укорял богов.

Август 1821

ДИФИРАМБ
(НА ПРИЕЗД ТРЕХ ДРУЗЕЙ)

О, радость, радость, я жизнью бывалою
Снова дышу!
Трепещет лира:
В струнах позабытых
Я звуков согласных
Я звуков живительных
В восторге ищу.

Гремит, как прежде, подруга бессмертная;
Други ко мне!
Опять недоступен
Я смехам и песням,
И чаше, венчанной
Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя в обитель поэтову
С дальних сторон:
От финнов бледных,
Ледяноволосых;
От Реина-старца;
От моря сыпучего
Азийских песков.

Три гостя, с детства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мной ко храму!
Я, плющем венчанный,
При гимнах священных
Кастору и Поллуксу
Хвалу воспою.

Август 1821

ДОМИК

За далью туманной,
За дикой горой
Стоит над рекой
Мой домик простой;
Для знати жеманной
Он замкнут ключом,
Но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью
Они берегут
Мой скромный приют
Дана им свобода —
В кустах огорода,
На злаке лугов
И древних дубов
В тени молчаливой,
Где струйкой игривой,
Сверкая, бежит,
Бежит и журчит
Ручей пограничный, —
С заботой привычной
Порхать и летать
И песнею сладкой
В мой домик украдкой
Друзей прикликать.

1821

ДАМОН

(Идиллия)

Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И запад, слианный с краями далекими моря,
Готовый блестящего бога принять, загорался,
В долинах, на холмах звучали пастушьи свирели;
По холмам, долинам бежали стада и шумели;
В прохладе и блеске катилися волны Алфея.

Дамон, вдохновенный певец, добродетельный старец,
Из хижины вышел и сел у дверей на пороге.
Уж семьдесят раз он первыми розами лиру
И длинные кудри свои украшал, воспевая
На празднике пышном весны и веселье, и младость.
А в юности зрелой камены его полюбили.
Но старость, лишив его сил, убелив его кудри,
Отнять не могла у него вдохновенного дара
И светлой веселости: их добродетель хранила.

И старец улыбкой и взором приветственным встретил
Отвсюду бегущих к нему пастухов и пастушек.

«Любезный Дамон, наш певец, добродетельный старец!
Нам песню ты спой, веселую песню, — кричали, —
Мы любим, после трудов и полдневного жара,
В тени близ тебя отдыхать под веселые песни.
Не сам ли ты пел, что внушенные музами песни
На сердце больное, усталое веют прохладой,
Которая слаще прохлады, из урны Алфея
С рассветом лиющейя, слаще прохлады, лилеям
Свежесть дающей росы, и вина векового,
В амфорах хранимого дедами, внукам на радость?
Что добрый? не так ли ты пел нам? Дамон улыбнулся.
Он с юности ранней до позднего вечера жизни
Ни в чем не отказывал девам и юношам милым.
И как отказать? Убедительны, сладки их просьбы:
В прекрасных устах и улыбка и речи прекрасны.
Взглянул он на Хлою, перстом погрозил ей и молвил:
«Смотри, чтоб не плакать! и ты попадешь в мою песню».
Взял лиру, задумался, к солнцу лицом обратился,
Ударил по струнам и начал хвалою бессмертным:

«Прекрасен твой дар, Аполлон, — вдохновенные мысли!
Кого ты полюбишь, к тому и рано и поздно
В смиренную хижину любят слетаться камни.
О, Эрмий возвышен твой дар — убедительность речи!
Ты двигаешь силою слова и разум и душу.
Как ваших даров не хвалить, о Гимен, о Паллада!
Что бедную жизнь услаждает? — Подруга и мудрость.
Но выше, бесценней всего, Эрот и Киприда,
Даяние ваше — красую цветущая младость!
Красивы тюльпан и гвоздика и мак пурпуровый,
Ясмин и лилея красивы, но краше их роза;
Приятны крылатых певцов сладкозвучные песни —
Приятней полночное пенье твое, Филомела!
Все ваши прекрасны дары, о бессмертные боги!
Прекраснее всех красотою цветущая младость,
Прекрасней, проходчивей всех. Пастухи и пастушки!
Любовь с красотою не жители — гости земные,
Блестят как роса, как роса и взлетают на небо.
И тщетны без них нам и мудрость и дар убежденья!
Крылатых гостей не прикличешь и лирой Орфея!
Все, други, вы скажите скоро, как дед говорит ваш:
Бывало, любили меня, а нынче не любят!
Да вот и вчера... Что краснеешь ты, Хлоя? Взгляните,
Взгляните на щеки ее: как шиповник алеют!
Глядите, по ним две росинки, блестя, покатались!
Не вправду ль тебе говорил я: смотри, чтоб не плакать!
И ты попадешь в мою песню: сказал и исполню».

И все оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
Щеками горячими робко прижалась к подруге,
И шепот веселый, шум в пастухах пробудила.
Дамон, улыбаясь на шум их и шепот веселый,
Громчей заиграл и запел веселей и быстрее:

«Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, где нимфы,
Игривые дочери Алфея и ближних потоков,
Расчесывать кудри зеленые любят сходиться
И вторить со смехом и песням, и клятвам любовным,
Там встретил я Хлою. «Старинушка добрый, спой песню», —
Она мне сказала. — С охотой, пастушка, с охотой!
Но даром я песен не пел никогда для пастушек;
Сперва подари что-нибудь, я спою». — «Что могу я
Тебе подарить? Вот веночек я сплела!» — «О, прекрасен,
Красиво сплетен твой веночек, но веночек мне не надо». —
«Свирелку возьми!» — «Мне свирелку, красавица? Сам я
Искусно клею их воском душистым». — «Так что же
Тебе подарю я? Возьмешь ли корзинку? Мне нынче
Ее подарил мой отец, а, ты знаешь, корзинки
Плетет он прекрасно. Но, дедушка, что же молчишь ты?
Зачем головой ты качаешь? Иль этого мало?
Возьми же в придачу ты 'овцу любую!» — «Шалунья,
Шалунья, не знать чем платят в твои годы за песни!»
— Чего же тебе?» — «Поцелуй». — «Чего?» — «Поцелуй!»
— Как, этой безделицы?» — «Ах за нее я отдал
Не только веночек и свирелку, корзинку и 'овцу:
Себя самого! Поцелуй же!» — «Ах, дедушка добрый!
Все овцы мои разбежались; чтоб волк их не встретил,
Прощай, побегу я за ними». — Сказала, и мигом,
Как легкая серна, как нимфа дубравная скрылась.
Взглянул я на кудри седые, вздохнул и промолвил:
Цвет белый приятен пастушкам в нарциссах, в лилеях;
А белые кудри пастушкам не милы. Вот, други,
Вам песнь моя: весела ли судите вы сами».

Умолк. Все хвалили веселую песню Дамона;
А Хлоя дала поцелуй (так хотели пастушки)
Седому слагателю песен игривых и сладких,
И радость блеснула во взорах певца. Возвращаясь
К своим шалашам пастухи и пастушки «О, боги, —
Молились, — пошлите вы нам добродетель и мудрость!
Пусть весело встретим мы старость, подобно Дамону!
Пусть так же без грусти, с улыбкою скажем:
“Бывало любили меня, а нынче не любят!”»

1821

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ АМИКИ

О, камни, камни всеильные!
Вы внушите мне песню унылую;
Вы взгляните: в слезах Аматузия,
Горько плачут амуры и грации.
Нет игривой собачки у Лидии,
Нет Амики, прекрасной и ласковой.
И Диана, завидуя Лидии,
Любовалась невольно Амикою.
Ах, она была краше, игривее
Резвых псов звероловницы Делии.
С ее шерстью пуховой и вьющейся
Лучший шелк Индостана и Персии
Не равнялся ни лоском, ни мягкостью.
Не делила Амика любви своей:
Нет! Любила одну она Лидию;
И при ней приблизьтесь вы к Лидии
(Ах, и ревность была ей простительна!):
Она вскочет, залает и кинется,
Хоть на Марса и Зевса могучего.
Вот как нежность владела Амикою,
И такой мы собачки лишились!
Как на рок не роптать и не плакаться?
Семь уж люстров стихами жестокими
Бавий мучит граждан и властителей;
А она и пол-люстра, невинная!
Не была утешением Лидии.
Ты рыдай, ты рыдай, Аматузия,
Горько плачьте амуры и грации!
Уж Амика ушла за Меркурием
За Коцит и за лету печальную,
Невозвратно, в обитель Аидову,
В те сады, где воробушек Лесбии
На руках у Катулла чиликает.

1821

В АЛЬБОМ

О, сила чудной красоты!
К любви, по опыту, холодный,
Я забывал, душой свободный,
Безумой юности мечты;
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество — но ты
Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.

1821

МУЗАМ

С благовейною душой
Поэт, упавши на колены,
И фимиамом и мольбой
Вас призывает, о камни,
В свой домик низкий и простой!

Придите, девы, воскресить
В нем прежний пламень вдохновений
И лиру к звукам пробудить:
Друг ваш и друг его Евгений
Да будет глас ее хвалить.

Когда ж весна до вечных льдов
Прогонит вьюги и морозы —
На ваш алтарь, красу цветов,
Положит первые он розы
При пеньи радостных стихов.

1821

ПОДРАЖАНЬЕ БЕРАНЖЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке —
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Чорт побери меня, ей Богу!

О человеки все цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф, —
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шею
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Чорт побери меня, ей Богу!

Меж вами карлики — цари
Себе воздвигли алтари

И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Чорт побери меня, ей Богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопредставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но с вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Чорт побери меня, ей Богу!»

1821 (?)

ЛУНА

Я вечером с трубкой сидел у окна;
Печально глядела в окошко луна;

Я слышал: потоки шумели вдали;
Я видел: на холмы туманы легли.

В душе замутилось, я дико вздрогнул:
Я прошлое живо душой вспомянул!

В серебряном блеске вечерних лучей
Явилась мне Лила — веселье очей.

Как прежде шепнула, коварная мне:
«Быть вечно твоею клянусь при луне».

Как прежде за тучи луна уплыла,
И нас разлучила неверная мгла.

Из трубки я выдул сгоревший табак,
Вздыхнул и на брови надвинул колпак.

1821 или 1822

Н. И. ГНЕДИЧУ

Муза вчера мне, певец, принесла закоцитную новость:
В темный недавно Айдес тень славянина пришла;
Там, окруженная сонмом теней любопытных, пропела
(Слушал и древний Омер) песнь Илиады твоей.
Старец наш к персям вожатого-юноши сладко приникнув,
Вскрикнул: «Вот слава моя, вот чего веки я ждал!»

1821 или 1822

НА СМЕРТЬ ***
(сельская элегия)

Я знал ее: она была душою
Прелестней своего прекрасного лица.
Умом живым, мечтательной тоскою,
Как бы предчувствием столь раннего конца,
Любовию к родным и к нам желаньем счастья,
Всем, милая, она несчастлива была,
И, как весенний цвет, расцветший в дни несчастья,
Она внезапно отцвела.
И кто ж? Любовь ей сердце отравила!
Она неверного пришельца полюбила:
На миг ее пленяся красотой,
Он кинулся в объятия другой
И навсегда ушел из нашего селенья.
Что, что ужаснее любви без разделенья,
Простой, доверчивой любви!
Несчастливая, в душе страдания свои
Сокрыла, их самой сестре не поверяла,
И грусть безмолвная и жаждущая слез,
Как червь цветочный, поедала
Ее красу и цвет ланитных роз!
Как часто гроб она отцовский посещала!
Как часто, видел я, она сидела там
С улыбкой, без слезы роптанья на реснице,
Как восседит Терпенье на гробнице
И улыбается бедам.

1821 или 1822

ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты

К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы песни прошлых дней!
Я горько доли и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно,
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
Не повторяйте ей!

1821 или 1822

РОМАНС

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.

Свежих трав не щипал конь его унылый,
«Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Не к добру грудь моя тяжело вздыхает,
Не к добру сердце мое что-то предвещает;

Не к добру без еды ты стоишь унылый!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Конь вздрогнул, и сильней витязь возмутился,
В милый край, в страшный край как стрела пустился.

Ночь прошла, все светло: виден храм с дубровой,
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.

1821 или 1822

В АЛЬБОМ Б.

У нас, у небольших певцов,
Рука и сердце в вечной ссоре:
Одной тебе, без лишних слов,
Давно бы несколько стихов
Сердечных молвило, на горе
Моих воинственных врагов;
Другая ж лето все чертила
В стихах тяжелых вялый вздор,
А между тем и воды с гор
И из чернильницы чернила
Рок увлекал с толпой часов.
О, твой альбом-очарователь!
С ним замечаться я готов.
В теченьи стольких вечеров
Он, как старинный мой приятель,
Мне о былом воспоминал!
С ним о тебе я толковал,
Его любезный обладатель!
И на листках его встречал
Черты людей, тобой любимых
И у меня в душе хранимых
По доброте, по ласкам их
И образованному чувству
К свободно-сладкому искусству
Сестер бессмертно молодых.

1821 или 1822

ПЕТЕРБУРГСКИМ ЦЕНЗОРАМ

Перед вами нуль Тимковский!
В вашей славе он погас;
Вы по совести поповской,
Цензуруя, жмете нас.
Славьтесь, Бируков, Красовский!
Вам дивится даже князь!
Член тюремный и Библейский
Цензор, мистик и срамец,
Он с душонкою еврейской,
Наш гонитель, князя льстец.
Славься, славься, дух лакейский,
Славься, доблестный подлец!
Вас и дух святой робеет;
Он, как мы у вас в когтях;
Появиться он не смеет
Даже в Глинкиных стихах.
Вот как семя злое зреет!

Вот как всё у нас в тисках!
Ни угрозою, ни лаской,
Видно, вас не уломать;
Олин и Григорий Спасский
Подозренья в вас родят.
Славьтесь цензорской указкой!
Таски вам не миновать.

Между 1821 и 1824

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ
ES KANN SCHON NICHT IMMER SO BLEIBEN*
(Посвящена Баратынскому и Коншину)

Ничто не бессмертно, не прочно
Под вечно изменной луной,
И все расцветает и вянет,
Рожденное бедной землей.

И прежде нас много, веселых,
Полюбят любовь и вино,
И в честь нам напенят бокалы,
Любившим и пившим давно.

Теперь мы доверчиво, дружно
И тесно за чашей сидим.
О дружба, да вечно пылаем
Огнем мы бессмертным твоим!

1822 Роченсальм, в Финляндии

(19 ОКТЯБРЯ 1822 ГОДА)

Что Иличевский не в Сибири,
С шампанским кажет нам бокал,
Ура, друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал.

Как песни петь не позабыли
Лицейского мы мудреца,
Дай бог, чтоб так же сохранили
Мы скотобратские сердца.

* Это уже не может всегда так оставаться (Нем. - Прим. «ImWerden»)

ВДОХНОВЕНИЕ
(Сонет)

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И в краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье.

И презренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1822

Н. М. ЯЗЫКОВУ
(Сонет)

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе идти к парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет амур с каменной сладкострастной.

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, благодаря богам,
И им влеком к возвышенным певцам
К какою-то любвию пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил,
Певца Пиров я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье.

1822

СОНЕТ

Златых кудрей приятная небрежность,
Небесных глаз мечтательный привет,
Звук сладкий уст при слове даже нет
Во мне родят любовь и безнадежность.

На то ли мне послали боги нежность,
Чтоб изнемог я в раннем цвете лет?
Но я готов, я выпью чашу бед:
Мне не страшна грядущего безбрежность!

Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабыл свободной жизни сладость,
Душа горит, но смолкла в сердце радость,

Во мне кипит и холодеет кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебе я вверил младость?

1822

СОНЕТ

Я плыл один с прекрасною в гондоле,
Я не сводил с нее моих очей;
Я говорил в раздумьи сладком с ней
Лишь о любви, лишь о моей неволе.

Брега цвели, пестрело жатвой поле,
С лугов бежал лепечущий ручей,
Все нежилось. — Почто ж в душе моей
Не радости, унынья было боле?

Что мне шептал ревнивый сердца глас?
Чего еще душе моей страшиться?
Иль всем моим надеждам не свершиться?

Иль и любовь польстила мне на час?
И мой удел, не осушая глаз,
Как сей поток, с роптанием сокрыться?

1822

* * *

София, вам свои сонеты
Поэт с весельем отдает:
Он знает, от печальной Леты
Альбом ваш верно их спасет!

1822 или 1823

РОЗА

Роза ль ты, розочка, роза душистая!
Все м ты, красавица, роза цветок!
Вейся, плетися с лилией и ландышем,
Вейся, плетися в мой пышный венок.

Нынче я встречу красавицу девицу,
Нынче я встречу пастушку мою:
«Здравствуй, красавица, красная девица!»
Ах!.. и промолвлюся, молвлю: люблю!

Вдруг зарумянится красная девица,
Вспыхнет младая, как роза цветок.
Взглянь в ручеек, пастушка стыдливая,
Взглянь: пред тобою ничто мой венок!

1822 или 1823

ЖАЛОБА

Воспламенить вас — труд напрасный,
Узнал по опыту я сам;
Вас боги создали прекрасной —
Хвала и честь за то богам.
Но вместе с прелестью опасной
Они холóдность дали вам.
Я таю в грусти сладострастной,
А вы, назло моим мечтам,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простым мольбам.

1822 или 1823

К А. Е. И.

Мой по каменам старший брат,
Твоим я басням цену знаю,
Люблю тебя, но виноват:
В тебе не все я одобряю.
К чему за несколько стихов,
За плод невинного веселья,
Ты стаю вооружил певцов,
Бранящих все в чаду похмелья?
Твои кулачные бойцы
Меня не выманят на драку,
Они, не спорю, молодцы,
Я в каждом вижу забияку,
Во всех их взор мой узнает
Литературных карбонаров,
Но, друг мой, я не Дон-Кишот —
Не посрамлю своих ударов.

1822 или 1823

* * *

До рассвета поднявшись, извозчика взял
Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал от Песков чрез канал
В желтый дом, где живет Бирюков;
Не с Цертелевым он совокупно спешил
На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
За баллады, сонеты путем.
Но во фраке был он, был тот фрак запылен,
Какой цветом — нельзя распознать;
Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан,
Двадцатифунтовая тетрадь.
Вот к обеду домой возвращается он
В трехэтажный Моденова дом,
Его конь опенен, его Ванька хмелен,
И согласно хмелен с седоком.
Бирюкова он дома в тот день не застал, —
Он с Красовским в цензуре сидел,
Где на Олина грозно вдвоем напирал,
Где фон Поль улыбаясь глядел.
Но изорван был фрак, на манишке табак,
Ерофеичем весь он облит.
Не в парнасском бою, зная в питейном дому
Был квартальными больно побит.
Соскочивши у Конной с саней у столба,
Притаясь у будки стоял;

И три раза он крикнул Бориса-раба,
Из харчевни Борис прибежал.
«Пойди ты, мой Борька, мой трагик смешной,
И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но, право, скотина лихой,
И скотство по нутру мне твое».

(Продолжение когда-нибудь).

Между 1822 и 1824

К МОРФЕЮ

Увы! ты изменил мне,
Нескромный друг, Морфей!
Один ты был свидетель
Моих сокрытых чувств,
И вздохов одиноких,
И тайных сердца дум.
Зачем же, как предатель,
В видении ночном
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открыл?
Зачем, меня явивши
Красавице в мечтах,
Безмолвными устами
Принудил все сказать?
О! будь же, Бог жестокий,
Будь боле справедлив:
Открой и мне взаимно,
Хотя в одной мечте,
О тайных чувствах сердца,
Сокрытой для меня.
О! дай мне образ милый
Хоть в призраке узреть;
И пылкими устами
Прильнуть к ее руке...
Когда увижу розы
На девственном челе,
Когда услышу трепет
Стыдливой красоты,
Довольно — и, счастливец,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны,
И пурпурные маки
С Авророй принесу!

<1823>

К СОФИИ

За ваше нежное участие
Больной певец благодарит:
Оно его животворит;
Он молвит: боже, дай ей счастье
В сопутники грядущих дней!
Болезни мне, здоровье ей!
Пусть я по жизненной дороге
Пройду и в муках, и в тревоге;
Ее ж пускай ведут с собой
Довольство, радость и покой!

Вчера я был в дверях могилы;
Я таял в медленном огне;
Я видел: жизнь, поднявши крылы,
Прощальный взор бросала мне;
О жизни сладостного чувства
В недужном сердце не храня,
Терял невольно веру я
Врачей печальные искусства:
Свой одр в мечтах я окружал
Судьбой отнятыми друзьями,
В последний раз им руки жал,
Мой бедный гроб не провожать,
Не орошать его слезами,
Но чаще с лучшими мечтами
Мечту о друге съединять...

И весть об вас, как весть спасенья,
Надежду в сердце пролила;
В душе проснулись волненья;
И в вашем образе пришла
Ко мне порою усыпленья
Игея с чашей исцеленья...

Февраль 1923

* * *

Анахорет по принуждению
И злой болезни, и врачей,
Привык бы я к уединенью,
Привык бы к супу из костей,
Не дав исполнить сожаленью
Физиономии своей;
Когда бы непонятной силой

Очаровательниц и фей
На миг из комнаты моей,
И молчаливой, и унылой,
Я уносим был каждый день
В ваш кабинет, каменам милый.
Пусть, как испуганная тень
Певца предутреннего пеньем,
Послушав вас, взглянув на вас,
С немым, безропотным терпеньем
И к небесам с благодареньем
Я б улетал к себе тотчас!
Я услаждал бы сим мгновеньем
Часы медлительного дня,
Отнятого у бытия
Недугом злым и для меня
Приправленного скукой тяжкой.

Февраль 1823

К ОШЕЙНИКУ СОБАЧКИ ДОМИНГО

Ты на Доминго вечно будь,
Моя надежда остальная,
И обо мне когда-нибудь
Она вздохнет, его лаская.

1823

К ПТИЧКЕ, ВЫПУЩЕННОЙ НА ВОЛЮ

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебе, летунье сладкогласной,
Дарю свободу я. — Лети!
И я равно счастливой долей
От милой наделен моей:
Как ей обязана ты волей,
Так я неволею своей.

1823

РОМАНС

Вчера вакхических друзей
Я посетил кружок веселый;
Взошел — и слышу: «Здравствуй, пей!»
— Нет, — молвил я с тоской тяжелой, —

Не пить, беспечные друзья,
Пришел к вам друг ваш одичалый:
Хочу на миг забыться я,
От жизни и любви усталый.

Стучите чашами громчей;
Дружней гетер и Вакха пойте!
Волнение души моей
Хоть на минуту успокойте!

Мне помогите освежить
Воспоминанья жизни вольной
И вопли сердца заглушить
Напевом радости застольной.

1823

РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность упоает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь рощи и поля;
Пусть жизнью все кипит:

Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

1823

РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

С. Д. П-ОЙ
(ПРИ ПОСЫЛКЕ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИСПАНИИ», СОЧ. БУЛГАРИНА)
(Сонет)

В Испании Амур не чужестранец,
Он там не гость, но родственник и свой,
Под кастаньет с веселой красотой
Поет романс и пляшет, как испанец.

Его огнем в щеках блестит румянец,
Пылает грудь, сверкает взор живой,
Горят уста испанки молодой;
И веет мирт, и дышит померанец.

Но он и к нам, всесильный, не суров,
И к северу мы зрим его вниманье:
Не он ли дал очам твоим блистанье,

Устам коралл, жемчужный ряд зубов,
И в кудри свил сей мягкий шелк волосов,
И всю тебя одел в очарованье!

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Соболями отороченной.
Днем ли в те поры я выведу,
В очи солнце — ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется —
И без слов ей все повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые —
Только взглянут и успокаются.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?

Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке,
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что, красотка молодая,
Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
К белой ручке клонишь?
Или словом, или взором
Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
Ты вложила в мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповедать тайну!

Не слышали ль злые люди
Наших разговоров?
Не спросили ль злые люди
У отца родного;
Не спросили ль супостаты
У твоей родимой:
«Чей у ней на ручке перстень?
Чья в повязке лента?
Лента, ленточка цветная,
С золотой каймою;
Перстень с чернью расписною,
С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
Слез твоих горючих!
Перелей в мое ты сердце
Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
Легче растолкуем.

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать молодой.
Сиротинушка, на всей земле одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —

Под окошком все так весело глядит,
И мне душу то веселие томит.
То веселье — не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.
И я выду во широкие поля —
С них ли негой так и веет для тебя;
Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой,
Хочешь с кем-то этим запахом дышать
И другим устам его передавать;
Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.
Больно, безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
К изголовью правой щечкою прижмусь
И горячими слезами обольюсь.
Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку впрыснет, но ее не освежит,
Так и звезды не свежат меня, молодой;
Скучно, девушки, весною жить одной!

1824

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Как ты сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море волны шумят,
А не вьюги,
В лесе звери лютые,
Да не люди!

1824

ПЕСНЯ

Наяву и в сладком сне
Всё мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковые,
Юных прелестей красота,
Прелесть — очи и уста,
И лобзания живые.

И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри что вы вьетесь?
Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.

И я утром золотым
Молвлю персиям младым:
Пух лебяжий, негой страстной
Не дыши по старине —
Уж не быть счастливым мне
На груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерам
Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,
О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!

Ночью сплю ли я, не сплю —
Всё устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет, —
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

1824

РОМАНС

Друзья, друзья! я Нестор между вами,
По опыту веселый человек;
Я пью давно; пил с вашими отцами
В златые дни, в Екатеринин век.

И в нас душа кипела в ваши лета
Как вы, за честь мы проливали кровь,

Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел
Мелецкий про любовь!

Не кончен пир — а гости разошлись,
Допировать один остался я.
И что ж? ко мне вы, други, собрались,
Весельчаков бывалых сыновья!

Гляжу на вас: их лица с их улыбкой,
И тот же спор про жизнь и про вино;
И мнится мне, я полагал ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

1824

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страдания,
Она желанья утратила
И вновь не просится любить.

К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно проведешь,
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

1824

* * *

Твой друг ушел, презрев земные дни,
Но ты его, он молит, вспомяни.
С одним тобой он сердцем говорил,
И ты один его не отравил.
Он не познал науки чудной жить:
Всех обнимать, всех тешить и хвалить,
Чтоб каждого удобней подстеречь
И в грудь ловчей втолкнуть холодный меч.

Но он не мог людей и пренебречь:
Меж ними ты, старик отец и мать.

1824

МЫ

Бедный мы! что наш ум? — сквозь туман озаряющий факел
Бурей гонимый наш челн по морю бедствий и слез;
Счастье наше в неведеньи жалком, в мечтах и безумстве:
Свечку хватает дитя, юноша ищет любви.

1824

ЭПИТАФИЯ

Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой.
Скоро разбила ее: верно, утешилась там.

1824

КУПАЛЬНИЦЫ

(Идиллия)

«Как! ты расплакался! слушать не хочешь и старого друга!
Страшное дело: Дафна тебе ни полслова не скажет,
Песен с тобой не поет, не пляшет, почти лишь не плачет,
Только что встретит насмешливый взор Ликорисы, и обе
Мигом краснеют, краснее вечерней зари перед вихрем!
Взрослый ребенок, стыдись! иль не знаешь седого сатира?
Кто же младенца тебя баловал? день целый, бывало,
Бедный на холме сидишь ты один и смотришь за стадом:
Сердцем и сжалюсь я, старый, приду посмеяться с тобою,
В кости играя поспорить, попеть на свирели. Что ж вышло?
Кто же, как ты, свирелью владеет и в кости играет?
Сам ты знаешь никто. Из чьих ты корзинок плоды ел?
Всё из моих: я, жимолость тонкую сам выбирая,
Плел из нее их узорами с легкой, цветною соломой.
Пил молоко из моих же ты чаш и кувшинов: тыквы
Полные, словно широкие щеки молодого сатира,
Я и сушил, и долбил, и на коже резал искусно
Грозды, цветы и образы сильных богов и героев.
Тоже никто не имел (могу похвалиться) подобных
Чаш и кувшинов и легких корзинок. Часто, бывало,
После оргий вакхальных другие сатиры спешили
Либо в пещеры свои отдохнуть на душистых постелях,
Либо к рощам пугать и преследовать юных пастушек;

Я же к тебе приходил, и покой и любовь забывая;
Пьяный, под песню твою плясал я с ученым козленком;
Резвый, на задних ногах выступал и прыгал неловко,
Тряс головой, и на роги мои и на бороду злился.
Ты задыхался от смеха веселого, слезы блестели
В ямках щек надутых — и все забывалось горе.
Горе ж когда у тебя, у младенца, бывало?
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирель, да и только.
Нынче ль тебя я утешу? нынче оставлю? поверь мне,
Слезы утри! успокойся и старого друга послушай». —

Так престарелый сатир говорил молодому Микону,
В грусти безмолвной лежащему в темной каштановой роще.
К Дафне юной пастух разгорался в младенческом сердце
Пламенем первым и чистым: любил, и любил не напрасно.
Все до вчерашнего вечера счастье ему предвещало:
Дафна охотно плясала и пела с ним, даже однажды
Руку пожала ему и что-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда он сказал ей: «Люби меня Дафна!»
Что же два вечера Дафна не та, не прежняя Дафна?
Только он к ней — она от него. Понятные взгляды,
Ласково-детские речи, улыбка сих уст пурпуровых,
Негой пылающих, — все, как весенней водою, уплыло!
Что случилось с прекрасной пастушкой? Не знает ли, полно,
Старый сатир наш об этом? не просто твердит он: «Послушай!
Ночь же прекрасная: тихо, на небе ни облака! Если
С каждым лучем богиня Диана шлет по лобзанию
Эндимиону счастливицу, то был ли на свете кто смертный
Столько, так страстно лобзаем и в пору любви!
Нет и не будет! лучи так и блещут, земля утопает
В их обаятельном свете; Иллис из урны прохладной
Льет серебро; соловьи рассыпаются в сладостных песнях;

Берег дышит томительным запахом трав ароматных;
Сердце полнее живет и душа упивается негой».
Бедный Микон сатира прослушался, медленно поднял
Голову, сел, прислонился к каштану высокому, руки
Молча сложил и взор устремил на сатира, а старый
Локтем налегся на длинную ветвь и, качаясь, так начал:

«Ранней зарею вчера просыпаюсь я: холодно что-то!
Разве с вечера я не прикрылся? где теплая кожа?
Как под себя не постлал я трав ароматных и свежих?
Глядь, и зажмурился! свет ослепительный утра, не слитый,
С мраком ленивым пещеры! Что это? дергнул ногами:
Ноги привязаны к дереву! Руку за кружкой: о боги!
Кружка разбита, разбита моя драгоценная кружка!
Ах, я хотел закричать: ты усерден по-прежнему, старый,
Лишь не по-прежнему силен, мой друг, на вакхических битвах!

Ты не дошел до пещеры своей, на дороге ты, верно,
Пал, побежденный вином, и насмешникам в руки попался! —
Но плесканье воды, но веселые женские клики
Мысли в уме, а слова в растворенных устах удержали.
Вот, не смея дышать, чуть-чуть я привстал; предо мною
Частый кустарник; легко листы раздвигаю; подвинул
Голову в листья, гляжу: там синеют, там искрятся волны;
Далее двинулся, вижу: в волнах Ликориса и Дафна,
Обе прекрасны, как девы-хариты, и наги, как нимфы;
С ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди: бедных
Прошлой весною ты спас; их мать клевала жестоко, —
Мать отогнал ты, поймал их и в дар принес Ликорисе:
Дафну тогда уж любил ты, но ей подарить побоялся.

Первые чувства любви, я помню, застенчивы, робки:
Любишь и милой страшишься наскучить и лаской излишней.
Белые шеи двух лебедей обхватив, Ликориса
Вдруг поплыла, а Дафна нырнула в кристальные воды.
Дафна явилась, и смех ее встретил: «Дафна, я Леда,
Новая Леда». — А я Аматузия! видишь, не так ли
Я родилась теперь, как она, из пены блестящей? —
«Правда; но прежняя Леда ничто перед новой! мне служат
Два Зевеса. Чем же похвалишься ты пред Кипридой?»
— Мужем не будет моим Ифест хромоногий и старый! —
«Правда и то, моя милая Дафна, еще скажу: правда!
Твой прекрасен Микон; не сыскать пастуха, его лучше!
Кудри его в три ряда; глаза небесного цвета;
Взгляды их к сердцу доходят; как персик, в пору созревший,
Юный, он свеж и румян и пухом блестящим украшен;
Что ж за уста у него? Душистые, алые розы,
Полные звуков и слов, сладчайших всех песен воздушных.
Дафна, мой друг, поцелуй же меня! ты скоро не будешь
Часто твою целовать Ликорису охотно; ты скажешь:
“Слаще в лобзаннях уста пастуха, молодого Микона!”»
— Все ты смеешься, подруга лукавая! все понапрасну
В краску вводишь меня! и что мне Микон твой? хорош он —
Лучше ему! я к нему равнодушна. — «Зачем же краснеешь?»
— Я поневоле краснею: зачем все ко мне пристаешь ты?
Все говоришь про Микона! Микон, да Микон; а он что мне? —
«Что ж ты трепещешься и грудью ко мне прижимаешься? что так
Пламенно, что так неровно дышит она? Послушай:
Если б (пошлюсь на бессмертных богов, я того не желаю), —
Если б, гонясь за заблудшей овцою, Микон очутился
Здесь вот, на берегу, — что бы ты сделала?» — Я б? утопилась! —
«Точно, и я б утопилась! Но отчего? Что за странность?
Разве хуже мы так? смотри, я плыву: не прекрасны ль
В золоте струй эти волны власов, эти нежные перси?
Вот и ты поплыла; вот ножка в воде забелелась,
Словно наш снег, украшение гор! А вся так бела ты!
Шея же, руки — взгляди, скажи — из кости слоновой

Мастер большой их отделал, а Зевс наполнил с избытком
Сладко-пленящею жизнью. Дафна, чего ж мы стыдимся!»
— Друг Лакориса, не знаю; но стыдно: стыдиться прекрасно! —
«Правда; но все непонятного много тут скрыто! Подумай:
Что же мужчины такое? не точно ль как мы, они люди?
То же творенье прекрасное дивного Зевса-Кронида.
Как же мужчин мы стыдимся, с другим же, нам чуждым созданием,
С лебедем шутим свободно: то длинную шею лаская,
Клёв его клоним к устам и целуем; то с нежностью треплем
Белые крылья и персями жмемся к груди пуховой.
Нет ли во взоре их силы ужасной, Медузиной силы,
В камень нас обращающей? что ты мне скажешь?» — Не знаю!
Только Ледой и я была бы охотно! и так же
Друга ласкать и лобзать не устала б я в образе скромном,
В сей белизне ослепительной! Дерзкого ж, боги,
(Кого бы он ни был) молю, обратите рогатым оленем,
Словно ловца Актеона, жертву Дианина гнева!
Ах, Ликориса, рога — «Что, рога?» — Рога за кустами! —
«Дафна, Миконов сатир!» — Уплывем, уплывем! — «Всё он слышал,
Всё он расскажет Микону! бедные мы!» — Мы погибли! —
Так, осторожный, как юноша пылкий, я разговор их
Кончил внезапно! и все был доволен: Дафна, ты видишь,
Любит тебя, и невинная доли прекрасной достойна:
Сердцем Микона владеть на земле и в обителях Орка!
Что ж ты не плачешь по-прежнему, взрослый ребенок! сатира
Старого, видно, слушать полезно? поди же в шалаш свой!
Сладким веленьям Морфея покорствуй! поди же в шалаш свой!
Дела прекрасного! верь мне, покойся: он кончит, как начал».

1824

19 ОКТЯБРЯ 1824 ГОДА

Семь лет пролетело, но, дружба,
Ты та же у старых друзей:
Все любишь лицейские песни,
Все сердцу твердишь про Лицей.

Останься ж век нашей хозяйкой
И долго в сей день собирай
Друзей, не стареющих сердцем,
И им старину вспоминай.

Наш милый начальник! ты с нами,
Ты любишь и нас, и Лицей,
Мы пьем за твое все здоровье,
А ты пей за нас, за друзей.

* * *

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Комедии тупы,
Трагедии глупы,
Эпиграммы сладки
И, как он, всем гадки.

1824

В АЛЬБОМ С. Г. К-ОЙ

Во имя Феба и харит
Я твой альбом благословляю
И, по внушенью аонид,
Его судьбу предвозвещаю:
В нем перескажет дружба вновь
Все уверенья, все мечтанья,
И без намеренья любовь
Свои откроет ожиданья.

1824 или 1825

ДВЕ ЗВЕЗДОЧКИ

Со мною мать прощалася
(С полком я шел в далекий край);
Весь день лила родимая
Потоки слез горючие,
А вечером свела меня
К сестре своей кудеснице.
В дверь стукнула, нет отклика,
А за дверью шелохнулось;
Еще стучит, огонь секут;
В окно глядим, там светится.
Вот в третий раз стучит, кричит:
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Отóпрешься ль? — Нет отзыва!
Мы час стоим, другой стоим:
А за дверью огонь горит,
Ворчат, поют нерусское.
Но полночь бьет, все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснул
Мы ждать-пождать, дверь скрипнула,
Идет, поет кудесница:

«Туман, туман! В тумане свет!
То, дитячко, звезда твоя!
Туман тебе: немилый край;
Туманный свет: туманно жить.
Молись, молись! туман пройдет,
Туман пройдет, звезда блеснет,
Звезда блеснет приветнее,
Приветнее, прилучнее!»

Ах, с той поры в краю чужом
Давным-давно я ведаю
Тоску-печаль, злодейку-грусть;
Злодейка-грусть в душе живет.
Так, старая кудесница,
Туман, туман — немилый край!
В нем тошно жить мне, молодцу!
Но та звезда, та ль звездочка,
Свети иль нет, мне дела нет!
В краю чужом у молодца
Другие есть две звездочки
Приветные, прилучные —
Глаза ль моей красавицы!

1824 или 1825

19 ОКТЯБРЯ 1825

В третий раз, мои друзья,
Вам спою куплеты я
На пиру лицейском.
О, моя, поверьте, тень
Огласит сей братский день
В царстве Елисейском.

Хоть немного было нас,
Но застал нас первый час
Дружных и веселых.
От вина мы не пьяны,
Лишь бы не были хмельны
От стихов тяжелых.

И в четвертый раз, друзья,
Воспою охотно я
Вам лицейский праздник.
Лейся, жженка, через край,
Ты ж под голос наш играй,
Яковлев-проказник.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети мой, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночьку на руке
Рапаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

ДРУЗЬЯ (Идиллия)

Е.А. Баратынскому

Вечер осенний сходил на Аркадию. — Юноши, старцы,
Резвые дети и девы прекрасные, с раннего утра
Жавшие сок виноградный из гроздий золотых, благовонных,
Все собралися вокруг двух старцев, друзей знаменитых.
Славны вы были, друзья Палемон и Дамет! счастливыцы!
Знали про вас и в Сицилии дальней, средь моря цветущей;
Там, на пастушьих боях хорошо искусившийся в песнях,
Часто противников дерзких сражал неотчетным вопросом:
Кто Палемона с Даметом славнее по дружбе примерной?
Кто их славнее по чудному дару испытывать вина?

Так и теперь перед ними, под тенью ветвистых платанов,
В чашах резных и глубоких вино молодое стояло,
Брали они по порядку каждую чашу — и молча
К свету смотрели на цвет, обоняли и думали долго,
Пили, и суд непреложный вместе вину изрекали:
Это пить молодое, а это на долгие годы
Впрок положить, чтобы внуки, когда соизволит Кронион
Век их счастливо продлить, под старость, за трапезой шумной
Пивши, хвалилися им, рассказам пришельца внимая.
Только ж над винами суд два старца, два друга скончали,
Вакх, языков разрешитель, сидел уж близ них и, незримый,
К дружеской тихой беседе настроил седого Дамета:

«Друг Палемон, — с улыбкою старец промолвил, — дай руку!
Вспомни, старик, еще я говаривал, юношей бывши:
Здесь проходчиво все, одна не проходчива дружба!
Что же, слово мое не сбылось ли? как думаешь, милый?
Что, кроме дружбы, в душе сохранил ты? — но я не жалею,
Вот Геркулес! не жалею о том, что прошло; твоей дружбой
Сердце довольно вполне, и веду я не к этому слово.
Нет, но хочу я — кто знает? — мы стары! хочу я, быть может
Ныне в последнее, все рассказать, что от самого детства
В сердце ношу, о чем много говаривал, небо за что я
Рано и поздно молил, Палемон, о чем буду с тобою
Часто беседовать даже за Стиксом и Летой туманной.
Как мне счастливым не быть, Палемона другом имея?
Матери наши, как мы, друг друга с детства любили,
Вместе познали любовь к двум юношам милым и дружным,
Вместе плоды понесли Гименея; друг другу, младые,
Новые тайны веря, священный обет положили:
Если боги мольбы их услышат, пошлют одной дочерь,
Сына другой, то сердца их, невинных, невинной любовью
Крепко связать и молить Гименея и бога Эрота,
Да уподобят их жизнь двум источникам, вместе текущим,
Иль виноградной лозе и сошке прямой и высокой.
Верной опорой служит одна, украшеньем другая;
Если ж две дочери или два сына родятся, весь пламень
Дружбы своей перелить в их младые, невинные души.
Мы родилися: нами матери часто менялись,
Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала;
Впили мы дружбу, и первое, что лишь запомнил я, — ты был;
С первым чувством во мне развилася любовь к Палемону.
Выросли мы — и в жизни много опытов тяжелых
Боги на нас посылали, мы дружбою всё усладили.
Скор и пылок я смолоду был, меня все поражало,
Все увлекало; ты кроток, тих и с терпеньем чудесным,
Свойственным только богам, милосердым к Япетовым детям.
Часто тебя оскорблял я, — смиренно сносил ты, мне даже,
Мне не давая заметить, что я поразил твое сердце.
Помню, как ныне, прощенья просил я и плакал, ты ж, друг мой,

Вдвое рыдал моего, и, крепко меня обнимая,
Ты виноватым казался, не я. — Вот каков ты душою!
Ежели все меня любят, любят меня по тебе же:
Ты сокрывал мои слабости; малое доброе дело
Ты выставлял и хвалил; ты был все для меня, и с тобою
Долгая жизнь пролетела, как вечер веселый в рассказах.
Счастлив я был! не боюсь умереть! предчувствует сердце —
Мы ненадолго расстанемся: скоро мы будем, обнявшись,
Вместе гулять по садам Елисейским, и, с новою тенью
Встретясь, мы спросим: «Что на земле? всё так ли, как прежде?
Други так ли там любят, как в старые годы любили?»
Что же услышим в ответ: по-старому родина наша
С новой весною цветет и под осень плодами пестреет,
Но друзей уже нет, подобных бывалым; нередко
Слушал я, старцы, за полною чашей веселые речи:
«Это вино дорогое! — Его молодое хвалили
Славные други, Дамет с Палемоном; прошли, пролетели
Те времена! хоть ищи, не найдешь здесь людей, им подобных,
Славных и дружбой, и даром чудесным испытывать вина».

<1826>

В АЛЬБОМ А. Н. В-Ф

В судьбу я верю с юных лет.
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.

Всегда в пути моем тяжелом
Судьба мне спутницей была,
Она мне душу отвела
В приюте дружества веселом,
Где вас узнал я, где ясней
Моя душа заговорила
И блеск Гименовых свечей
Пророчественно полюбила.
Так при уходе зимних дней,
Как солнце взглянет взором вешним,
Еще до зелени полей
Весны певича в крае здешнем
Пленяет песнию своей.

20 января 1826

* * *

Снова, други, в братский круг
Собрал нас отец похмелья,
Поднимите ж кубки вдруг
В честь и дружбы, и веселья.

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не ждем в свои объятья.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.

Выпьем, други, в память их!
Выпьем полные стаканы
За далеких, за родных,
Будем ныне вдвое пьяны.

19 октября 1826

УТЕШЕНИЕ

Смертный, гонимый людьми и судьбой! расставайся с миром,
Злобу людей и судьбы сердцем прости и забудь.
К солнцу в последнее взор обрати, как Руссо, и утешься:
В тернах заснувшие здесь, в миртах пробудятся там.

1826 или 1827

СМЕРТЬ

Мы не смерти боимся, но с телом расстаться нам жалко:
Так не с охотой мы старый сменяем халат.

1826 или 1827

ЭПИГРАММА

Свиток истлевший с трудом развернули. Напрасны усилия:
В старом свитке прочли книгу, известную всем.
Юноша! к Лиде ласкаясь, ты старого тоже добьешься:
Лида подчас и тебе вымолвит слово: люблю.

1826 или 1827

А. Н. КАРЕЛИНОЙ
ПРИ ПОСЫЛКЕ «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ» НА 1827 ГОД

От вас бы нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и цветов:
В соседстве вашем дух пророка
Волшебной свежестью стихов
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади — соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите,
Так в наказание примите
Цветы замерзшие мои.

Начало 1827

НА СМЕРТЬ В...ВА

Д е в а

Юноша милый! на миг ты в наши игры вмешался!
Розе подобный красой, как Филомела ты пел.
Сколько любовь потеряла в тебе поцелуев и песен,
Сколько желаний и ласк новых, прекрасных, как ты.

Р о з а

Дева, не плачь! я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим;
Ах! и любовь бы изменою душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой!

Март 1827

СОНЕТ

Что вдали блеснуло и дымится?
Что за гром раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнул, поднял гриву,
Звонко ржет, грызет узду, бодрится.

Снова блеск... гром, грянув, долго длится,
Отданный прибрежному отзыву..
Зевс ли то, гремя, летит на ниву
И она, роскошная, роскошная, плодится?

Нет, то флот. Вот выплыли ветрилы,
Притекли громада за громадой;
Наш орел над русской армадой

Распростал блистательные крылы
И гласит: «С кем испытать мне силы?
Кто дерзнет, и станет мне преградой?»

Июль 1827, Ревель

ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов,
Первые чувства познали любви и, полные счастья,
Острым кремнем на коре сих дерев имена начертали:
Титир — Зои, а Титира — Зоя, богу Эроту
Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость
К двум заветным платанам они прибрели и видят
Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослися.
Нимфы дерев сих, тайною силой имен сочетавшись,
Ныне в древе двойном вождельнем на путника веют;
Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

1827

* * *

Хвостова кипа тут лежала,
А Беранже не уцелел!
За то его собака съела,
Что в песнях он собаку съел!

1827

* * *

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых?
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

Между 1827 и 183!

* * *

Я в Курске, милые друзья,
И в Полтарацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе, даме Керне!

1828

ХОР
ДЛЯ ВЫПУСКА ВОСПИТАНИЦ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА

Т р и и л и ч е т ы р е г о л о с а

Подруги, скорбное прощанье
И нам досталось на удел!
Как сновиденье, как мечтанье
Златой наш возраст пролетел!
Простите... Жизненное море
Уже принять готово нас;
На нем что встретим? Счастье ль, горе? —
Еще судьбы безмолвен глас!

О д и н г о л о с

Но не безмолвен голос сердца!
Он громко мне благовестит:
Кто здесь призрел меня, младенца,
Меня и там приосенит.
И наша мать, наше счастье,
Отрада стороны родной,
Нам будет в жизненно ненастье
Путеводительной звездой.

Х о р

Свети, свети, звезда России,
Свети бескровных благодать!
Пусть долго с именем Марии
Мы будем радость сочетать.
А ты, святое провиденье,
Внемли молению детей:
Она всех бедных утешенье,
За их воздателем будь ей!

1828

В АЛЬБОМ Е. П. ЩЕРБИНИНОЙ
(В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ)

Как в день рождения (хоть это вам забавно)
Я вас спешу поздравить, подарить!
Для сердца моего вы родились недавно,
Но вечно будьте в нем жить.

1828

КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

(Идиллия)

Путешественник

Нет, не в Аркадии я! Пастуха заунывную песню
Слышать бы должно в Египте иль в Азии Средней, где рабство
Грустною песней привыкло существовать тяжкую тешить.

Нет, я не в области Реи! о боги веселья и счастья!
Может ли в сердце, исполненном вами, найтись начало
Звуку единому скорби мятежной, крику напасти?
Где же и как ты, аркадский пастух, воспевать научился
Песню, противную вашим богам, посылающим радость?

Пастух

Песню, противную нашим богам! Путешественник, прав ты!
Точно, мы счастливы были, и боги любили счастливых:
Я еще помню одно светлое время! но счастье
(После узнали мы) гость на земле, а не житель обычный.
Песню же эту я выучил здесь, а с нею впервые
Мы услышали и голос несчастья и, бедные дети,
Думали мы, от него земля развалится и солнце,
Светлое солнце погаснет! Так первое горе ужасно!

Путешественник

Боги, так вот где последнее счастье у смертных гостило!
Здесь его след не пропал еще. Старец, пастух сей печальный,
Был на проводах гостя, которого тщетно искал я
В дивной Колхиде, в странах атлантидов, гипербореев,
Даже у края земли, где обильное розами лето
Кратче зимы африканской, где солнце с весною проглянет,
Сном непробудным, в звериных укрывшись мехах, засыпают.
Чем же, скажи мне, пастух, вы прогневали бога Зевеса?
Горе раздел улаживает; поведай мне горькую повесть
Песни твоей заунывной! Несчастье меня научило
Живо несчастьем других сострадать! Жестокие люди
С детства гонят меня далеко от родимого града.

Пастух

Вечная ночь поглотила города! Из вашего града
Вышла беда и на нашу Аркадию! сядем,
Здесь, на сем берегу, против платана, которого ветви
Долго тенью кроют реку и до нас досягают. —
Слушай же, песня моя тебе показалась унылой?

Путешественник

Грустной, как ночь!

П а с т у х

А ее Амарилла прекрасная пела.
Юноша, к нам приходивший из города, эту песню
Выучил петь Амариллу, и мы, незнакомые с горем,
Звукам незнаемым весело, сладко внимали. И кто бы
Сладко и весело ей не внимал? Амарилла, пастушка
Пышноволосая, стройная, счастье родителей старых,
Радость подружек, любовь пастухов, была удивленье,
Редкое Зевса творенье, чудная дева, которой
Зависть не смела коснуться и злобно, зажмурясь, бежала.
Сами пастушки с ней не ровнялись и ей уступали
Первое место с прекраснейшим юношей в плясках вечерних.
Но хариты-богини живут с красотой неразлучно,
И Амарилла всегда отклонялась от чести излишней.
Скромность взамен предподчтенья любовь ото всех получала.
Старцы от радости плакали ею любуясь, покорно
Юноши ждали, кого Амарилла сердцем заметит?
Кто из прекрасных молодых пастухов назовется счастливецом?
Выбор упал не на них! Клянусь богом Эротом,
Юноша, к нам приходивший из города, нежный Мелетий,
Голосом Пана искусней! Его полюбила пастушка.
Мы не роптали! мы не винули ее! мы в забвеньи
Даже думали, глядя на них: «Вот Арей и Киприда
Ходят по нашим полям и холмам; он в шлеме блестящем,
В мантии пурпурной, длинной, небрежно спустившейся сзади,
Сжатой камнем драгим на плече белоснежном. Она же
В легкой одежде пастушки простой, но не кровь, а бессмертье,
Видно, не менее в ней протекает по членам нетленным».
Кто ж бы дерзнул и помыслить из нас, что душой он коварен,
Что в городах и образ прекрасный, и клятвы преступны.
Я был младенцем тогда. Бывало, обнявшись руками
Белые, нежные ноги Мелетия, смиренно сажу я,
Слушая клятвы его Амарилле, ужасные клятвы
Всеми богами: любить Амариллу одну и с нею
Жить неразлучно у наших ручьев и на наших долинах.
Клятвам свидетелем я был; Эротовым сладостным тайнам
Гамадриады присутственны были. Но что ж? и весны он
С нею не прожил, ушел невозвратно! Сердце простое
Черной измены не умело. Его Амарилла
День, другой, и третий ждет — все напрасно! О всем ей
Грустные мысли приходят, кроме измены: не вепрь ли,
Как Адониса, его растерзал; не ранен ли в споре
Он за игру, всех ловче тяжелые круги метая?
«В городе, слышала я, обитают болезни! он болен!»
Утром четвертым вскричала она, обливаясь слезами:
«В город к нему побежим, мой младенец!» И сильно схватила

Руку мою и рванула, и с ней мы как вихрь побежали.
Я не успел, мне казалось,дохнуть, и уж город пред нами
Каменный, многообразный, с садами, столпами открылся;
Так облака перед завтрашней бурей на небе вечернем
Разные виды с отливами красок чудесных приемлют.

Дива такого я не видывал! Но удивленью
Было не время. Мы в город вбежали, и громкое пенье
Нас поразило — мы стали. Видим: толпой перед нами
Стройные жены проходят в белых как снег покрывалах.
Зеркало, чаши златые, ларцы из кости слоновой
Женщины чинно за ними несут. А молодые рабыни
Резвые, громкоголосые, с персей по пояс нагие,
Около блещут очами лукавыми в пляске веселой,
Скачут, кто с бубном, кто с тирсом, одна ж головою кудрявой
Длинную вазу несет и под песню тарелками плещет.
Ах, путешественник добрый, что нам рабыни сказали!
Стройные жены вели из купальни младую супругу
Злого Мелетия. — Сгибли желанья, исчезли надежды!
Долго в толпу Амарилла смотрела и вдруг, зашатавшись,
Пала. Холод в руках и ногах, и грудь без дыханья!
Слабый ребенок, не знал я, что делать. От мысли ужасной
(Страшно и ныне вспомнить), что более нет Амариллы —
Я не плакал, а чувствовал: слезы, сгустившись в камень,
Жали внутри мне глаза и горячую голову гнули.
Но еще жизнь в Амарилле, к несчастью ее, пламенела:
Грудь у нее поднялась и забилась, лицо загорелось
Темным румянцем, глаза, на меня проглянув, помутились.
Вот вскочила, вот побежала из города, будто
Гнали ее эвмениды, суровые девы Айдеса!

Был ли, младенец, я в силах догнать злополучную деву!
Нет... Я нашел уж ее в сей роще, за этой рекою,
Где искони возвышается жертвенник богу Эроту,
Где для священных венков и цветник разведен благовонный
(Встарь, четою счастливой!), и где ты не раз, Амарилла,
С верою сердца невинного, клятвам преступным внимала.

Зевс милосердный! с визгом каким и с какою улыбкой
В роще сей песню она выводила! сколько с корнями
Разных цветов в цветнике нарвала и как быстро плела их!
Скоро страшный наряд изготовила. Целые ветви,
Розами пышно облитые, словно роги, торчали
Дико из вязей венка многоцветного, чуднобольшого;
Плющ же широкий цепями с венка по плечам и по персям
Длинный спадал и, шумя, по земле волочился за нею.
Так, разодетая, важно, с поступью Иры-богини,
К хижинам нашим пошла Амарилла. Приходит, и что же?
Мать и отец ее не узнали; запела, и в старых
Трепетом новым забились сердца, предвещателем горя.

Смолкла — и в хижину с хохотом диким вбежала, и с видом
Грустным стала просить удивленную мать: «Родная,
Пой, если любишь ты дочь, и пляши: я счастлива, счастлива!»
Мать и отец, не поняв, но услышав ее, зарыдали.
«Разве была ты когда несчастлива, дитя дорогое?» —
Дряхлая мать, с напряжением слезы уняв, спросила.
«Друг мой здоров! я невеста! из города пышного выйдут
Стройные жены, резвые девы навстречу невесте!
Там, где он молвил впервые «люблю» Амарилле-пастушке,
Там из-под тени заветного древа, счастливица, вскрикну:
Здесь я, здесь я! Вы, стройные жены, вы, резвые девы!
Пойте: Гимен, Гименей! И ведите невесту в купальню.
Что ж не поете вы, что ж вы не пляшете! Пойте, пляшите!»
Скорбные старцы, глядя на дочь, без движенья сидели,
Словно мрамор, обильно обрызганный хладной росой.
Если б не дочь, но иную пастушку привел Жизнедавец
Видеть и слышать такой, пораженной небесною карой,
То и тогда б превратились злосчастные в томностенящий,
Слезный источник — ныне ж, тихо склоняся друг к другу,
Сном последним заснули они. Амарилла запела,
Гордым взором наряд свой окинув, и к древу свиданья,
К древу любви изменившей пошла. Пастухи и пастушки,
Песней ее привлеченные, весело, шумно сбежались
С нежною ласкою к ней, ненаглядной, любимой подруге.
Но — наряд ее, голос и взгляд... Пастухи и пастушки
Робко назад отшатнулись и молча в кусты разбежались.

Бедная наша Аркадия! Ты ли тогда изменилась,
Наши ль глаза, в первый раз увидавшие близко несчастье,
Мрачным туманом подернулись? Вечно зеленые сени,
Воды кристальные, все красоты твои страшно поблекли.
Дорого боги ценят дары свои! Нам уж не видеть
Снова веселья! Если б и Рея с милостью прежней
К нам возвратилась, все было б напрасно! Веселье и счастье
Схожи с первой любовью. Смертный единожды в жизни
Может упиться их полною, девственной сладостью! Знал ты
Счастье, любовь и веселье? Так понял и смолкнем об оном.

Страшно поющая дева стояла уже у платана,
Плющ и цветы с наряда рвала и ими прилежно
Древо свое украшала. Когда же нагнулася с берега,
Смело за прут молодой ухватившись, чтоб цепью цветочной
Эту ветвь обвязать, до нас достающую тенью,
Прут, затрещав, обломился, и с берега она полетела
В волны несчастные. Нимфы ли вод, красоту сожалея
Юной пастушки, спасти ее думали, платье ль сухое,
Кругом широким поверхность воды обхватив, не давало
Ей утонуть? Не знаю, но долго, подобно Няяде,
Зримаая только по грудь, Амарилла стремленьем неслася,
Песню свою распевая, не чувствуя гибели близкой,

Словно во влаге рожденная древним отцом Океаном.
Грустную песню свою не окончив — она потонула.

Ах, путешественник, горько! ты плачешь! беги же отсюда!
В землях иных ищи ты веселья и счастья! Ужели
В мире их нет и от нас от последних их позвали боги!

Примечание:

Читатели заметят, что в конце сей идиллии близкое подражание Шекспирову описанию смерти Офелии. Сочинитель, благоговей к поэтическому дару великого британского трагика, радуется, что мог повторить одно из прелестнейших его созданий.

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

И я выйду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезном горевать;
Как у этого ль колечка
Он в последнее стоял
И печальное словечко
Мне, прощаючись, сказал:

«За турецкой за границей,
В басурманской стороне
По тебе лишь по девице
Слезы лить досталось мне...»

.....
.....

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как на лево на кладбище к мертвецам,
А направо к закавказским молодцам.
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той и по другой:

Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

1828

СОН

«Мой суженый, мой ряженный,
Услышь меня, спаси меня!
Я в третью ночь, в последнюю,
Я в вещем сне пришла к тебе,
Забыла стыд девический!
Не волком я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злым врагом утрачена:
По засекам гуляючи,
Я обошла лесничего
Косматого, рогатого;
Я сбилася с тропы с пути,
С тропы с пути, с дороженьки
И встретила с ведьмою,
С заклятою завистницей
Красы моей — любви твоей.

Мой суженый, мой ряженный,
Я в вещем сне в последнее
К тебе пришла: спаси меня!
С зарей проснись, росой всплеснись,
С крестом в руке пойдя к реке,
Благословясь, пустился вплавь
И к берегу заволжскому
Тебя волна прибьет сама.
Во всей красе на берегу
Растет, цветет шиповничек;
В шиповничке — душа моя:
Тоска-шипы, любовь-цветы,
Из слез моих роса на них.
Росу сбри, цветы сорви,
И буду я опять твоя».

— Обманчив сон, не вещий он!
По гроб грустить мне, молодцу!
Не Волгой плыть, а слезы лить!
По Волге брод — саженный лед,
По берегу заволжскому
Метет, гудет метелица!

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сиротинушка девушка,
Полюби меня, молодца,
Полюбя, приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на небе, —
Сиротинушке девушке
Веселей того с молодцем.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка,
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставенки,
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замо́к висит,
В подворотенку пес глядит.

1828

ЭПИЛОГ

Так певал без принужденья,
Как на ветке соловей,
Я живые впечатленья
Полной юности моей.
Счастлив другом, милой девы
Все искал душою я,
И любви моей напевы
Долго кликали тебя.

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

По́ небу
Тучи громóвые ходят;
По́ полю
Пули турецкие свищут.
Молодцу ль
Грома и пули бояться?
Что же он
Голову клонит да плачет?
Бедному
Жаль не себя, горемыки,

Жаль ему
Душечку красной девицы!
Девушку
Грозный отец принуждает,
Красную
Жалобно матушка молит:
«Дитятко!
Выдь за богатого замуж!
Милое,
Верь, и не вспомнишь солдата!»

1828 или 1829

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ
(Русская идилия)

С о л д а т

Нет, не звезда мне из лесу светила:
Как звездочка, манил меня час целый
Огонь ваш, братцы! Кашицу себе
Для ужина варите! Хлеб да соль!

П а с т у х и

Спасибо, служба! Хлеба кушать.

С о л д а т

Быть так,
Благодарю вас. Я устал порядком!
Ну, костыли мои, вам роздых! Рядом
Я на траву вас положу и подле
Присяду сам. Да, верст пятнадцать
Ушел я в вечер.

1-ы й п а с т у х

А идешь откуда?

С о л д а т

А из Литвы, из Виленской больницы.
Вот так из матушки России ладно
Мы выгнали гостей незванных, — я
На первой заграничной перестрелке,
Беда такая, без ноги остался!
Товарищи меня стащили в Вильну;
С год лекаря и тем и сем лечили

И вот таким, злодеи, отпустили.
Теперь на костылях бреду кой-как
На родину, за Курск, к жене и сестрам.

2-й п а с т у х

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулуп раскинутый ложися!

С о л д а т

Спасибо, друг, господь тебе заплатит! —
Ах, братцы! Что за рай земной у вас
Под Курском! В этот вечер словно чудом
Помолодел я, вволю надышавшись
Теплом и запахом целебным! Любо,
Легко мне в воздухе родном, как рыбке
В реке студеной! В царствах многих был я!
Попробовал везде весны и лета!
В иных краях земля благоухает,
Как в светлый праздник ручка генеральши —
И дорого, и чудно, да не мило,
Не так, как тут! Здесь целым телом дышишь,
Здесь все суставчики в себя впивают
Простой, но сладкий, теплый воздух; словом,
Здесь нежишься, как в бане старый бар!
И спать не хочется! Играл бы все
До солнышка в девичьем хороводе.

3-й п а с т у х

И мы б, земляк играть не отказались!
Да лих нельзя! Село далеко! Стадо ж
Покинуть без присмотра, положившись
Лишь на собак, опасно, сам ты знаешь!
Как быть! Но вот и каша поспела!
Перекрестясь, примемся за ужин.
А после, если спать тебя не клонит,
То расскажи нам (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
Я чай, везде бывал ты, все видал!
И домовых, и водяных, и леших,
И маленьких людей, живущих там,
Где край земли сошелся с краем неба,
Где можно в облако любое вбить
Крючок иль гвоздь и свой кафтан повесить.

С о л д а т

Вздор мелишь, малый! Уши вянут! Полно!
Старухи врут вам, греясь на печи,

А вы им верите! Какие черти
Крещеному солдату захотят
Представиться? Да ныне человек
Лукавей беса! Нет, другое чудо
Я видел, и не в ночь до петухов,
Но днем оно пред нами совершилось!
Вы слышали ль, как заступился Бог
За православную державу нашу,
Как сжалился он над Москвой горящей,
Над бедною землею, не посеvom,
А вражьими ватагами покрытой —
И раннюю зиму послал нам в помощь,
Зиму с морозами, какие только
В Николин день да около Крещенья
Трещат и за щеки и уши щиплют?
Свежо нам стало, а французам туго!
И жалко и смешно их даже вспомнить!
Окутались от стужи чем могли,
Кто шитой душегрейкой, кто лохмотьем,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались все, как святочные хари,
И ну бежать скорее от Москвы!
Недалеко ушли же. На дороге
Мороз схватил их и заставил ждать
Дня судного на месте преступления:
У Божьей церкви, ими оскверненной,
В разграбленном амбаре, у села,
Сожженного их буйством! — Мы, бывало,
Окончив трудный переход, сидим,
Как здесь, вокруг огня и варим щи,
А около лежат, как это стадо,
Замерзлые французы. Как лежат!
Когда б не лица их и не молчанье,
Подумал бы, живые на биваке
Комедию ломают. Тот уткнулся
В костер горящий головой, тот лошадь
Взвалил, как шубу на себя, другой
Ее копыта гложет; те ж, как братья,
Обняли крепко и друг в друга зубы
Вонзили, как враги!

П а с т у х и

Ух! Страшно, страшно!

С о л д а т

А между тем курьерский колокольчик,
Вот как теперь, и там гремит, и там
Прозвякнет на морозе; отовсюду

Везут известья о победах в Питер
И в обгорелую Москву.

1-й п а с т у х

Э, братцы,
Смотрите, вот и к нам тележка скачет,
И офицер про что-то ямщику
Кричит, ямщик уж держит лошадей;
Не спросят ли о чем нас?

С о л д а т

Помоги
Мне встать: солдату вытянуться надо...

О ф и ц е р
(подъехав)

Огня, ребята, закурить мне трубку!

С о л д а т

В минуту, ваше благородье!

О ф и ц е р

Ба!
Товарищ, как ты здесь?

С о л д а т

К жене и сестрам
Домой тащутся, ваше благородие!
За рану в чистую уволен!

О ф и ц е р

С богом!
Снеси ж к своим хорошее известье:
Мы кончили войну в столице вражьей,
В Париже русские отмстили честно
Пожар московский! Ну, прости, товарищ!

С о л д а т

Прощенья просим, ваше благородье!

Офицер уезжает.

Благословение Господне с нами
Отныне и вовеки буди! Вот как
Господь утешил матушку Россию!
Молитесь, братцы, Божьи чудеса
Не совершаются ль пред нами явно!

<1829>

ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАЯНИЯ
(Идиллия)

(Посвящается В. И. Григоровичу)

«В кущу ко мне, пастухи и пастушки, в кущу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные, к чуду вас кличу!
Боги благие меня, презренного девой жестокой,
Дивно возвысили! Слабые взоры мои усладились
Светлым небесным виденьем! Персты мои совершили,
Смертные, дело бессмертное! Зов мой услышав, бегите
В кущу ко мне, пастухи и пастушки! В кущу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!»

Так по холмам и долинам бегал и голосом звонким
Кликал мирно пасущих стада пастухов ионийских
Ликидас юный, из розовой глины творивший искусно
Чаши, амфоры и урны печальные, именем славный,
Пламенным сердцем несчастный! Любовь без раздела — несчастье!
Ликидас, всеми любимый, был презрен единой пастушкой,
Злою Харитой, которою он безрассудно пленился!

— Образ Хариты! Харита живая! Харита из глины! —
Разом вскричали вбежавшие в кущу. Крики слилися
В радостный вой, восходящий до неба, и в узкие двери,
Словно река, пастухи потекли, толпа за толпою.
«Други, раздайтесь! — им Ликидас молвил. — Так, образ Хариты,
Девы жестокой, вы видите! Боги сей подвиг великий
Мне помогли совершить и глину простую в небесный
Облик одели, но в прочности ей отказали. Раздайтесь,
Други, молю вас! Может иной, в тесноте продираясь,
Вдруг без намеренья ринуться прямо на лик сей и глину
Смять и меня еще в злейшую долю повергнуть! Садитесь,
Крайние, вы же все замолчите, вам чудо скажу я!

Много дней и ночей, томим безнадежной любовью,
Сна не знал я, пищи не брал и дела не делал.
Словно призрак печальный, людей убегая, блуждал я
Вдоль по пустынному берегу морскому; слушал стенанье
Волн и им отвечал неутешным рыданьем. Нынче
Ночью — как и когда, не припомню — упал на песок я,

Кто-то плечо мое тронул, и будит меня и приятно
На ухо шепчет: «Ликидас, встань! Подкрепи себя пищей,
В кущу иди и за дело примися! Что сотворишь ты,
Вечной Киприде в дар принеси: уврачует богиня
Сердце недужное!» Взоры я поднял — напрасно. Поднялся —
Нет никого ни вблизи, ни вдали. Но советы благие
В сердце запали послушное: в кущу иду я и глину
Мну и, мягкий кусок отделивши, на круг повергаю;
Сел я, не зная, что делать; по глыбе послушной без мыслей
Пальцы блуждают, глаза не смотрят за ними, а сердце —
Сердце далеко, на гордость Хариты, несчастное, ропщет!
Вдруг, как лучом неожиданным в бурю, меня поразило
Что-то знакомое, я встрепенулся, и сердце забилося.
Боги! на глине вижу я очерк прямой и чудесный
Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожий!
Вижу: и кудри густые, кругом завиваясь, повисли;
Место для глаз уж назначено, пальцы ж трудятся добраться
В мякоти чудной до уст говорливых! С этого мига
Я не знаю, что было со мною! Пламя, не сердце,
Билось во мне, и не в персях, а в целом разлитое теле,
С темя до ног! И руки мои, и тело, и куща,
Дивно блистая, вертелись! Лишь помню: прекрасный младенец
Стрелкой златою по глине сверкал, предавая то гордость
Светлому лбу, то понятливость взгляду, то роскошь ланитам.
Кончил улыбкой, улыбкой заманчиво-сладкой! Свершилось!
С места восстал я, закрыл рукою глаза, а другою
Кудри свои захватил и подернул: хотел я скорее
Боль почувствовать, все ли живу я, узнать! — «Совершилось
Смертным бессмертное! — голос священный внезапно раздался. —

Эрмий, раскуй Промефея! Старец, утешься меж славных
Тен'ей! Небесный огонь не вотще похищен был тобою!
Пользой твое святотатство изгладилось! Ты же, мгновенной,
Бренной красе даровавший бессмертье, взгляни, как потомкам
Поздним твоим представятся боги в нетленном сияньи,
Камень простой искусством твоим оживить в их подобьи,
Смертных красой восхищать и о Зевсе глаголать!»

Где я? Стрела прорезала небо. Олимп предо мною!
Феб-Апполон, это ты, это ты! Тетива еще стонет,
Взор за стрелой еще следует, славой чело и ланиты
Блещут; лишь длань успокоилась, смерть со стрелою пустивши!
Мне ли пред вами стоять, о бессмертные боги! Колени
Гнутся, паду! Тебе я свой лик подношу, Киферея,
Дивно из моря исшедшая в радость бессмертным и смертным!
Слепну! Узрел я Зевса с Горгоной на длани могучей!
Кудри, как полные грозды, венчают главу золотую,
В легком наклоне покрывшую вечный Олимп и всю землю!»

<1829>

К П***
ПРИ ПОСЫЛКЕ ТЕТРАДИ СТИХОВ

Брожение юности унялось,
Остепенился твой поэт,
И вот ему что отстоялось
От прежних дел, от прошлых лет.
Тут все, знакомое субботам,
Когда мы жили жизнью всей
И расходились на шесть дней:
Я — снова к лени, ты — к заботам.

1829

* * *

Увижу ль вас когда-нибудь
С моею нежной половиной,
Увижу ль вас когда-нибудь,
О милый свадрик с плоховиной!

1829

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ

Вместе с няней фантазия тешит игрушкой младенцев,
Даже во сне их уста сладкой улыбкой живит;
Вместе с любовницей юношу мучит, маня непрестанно
В лучший и лучший мир, новой и новой красой;
Мужа степенного лавром иль веткой дубовой прельщает,
Бедному ж старцу она тщетным ничем не блеснит!
Нет! на земле опустевшей кажет печальную урну
С прахом потерянных благ, с надписью: в небе найдешь.

1829

* * *

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:

Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

Не тоска, друзья-товарищи,
В грудь запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

ГРУСТЬ

Счастлив, здоров я! Что ж сердце грустит? Грустит не о прежнем;
Нет! не грядущего страх жмет и волнует его.
Что же? Иль в миг сей родная душа расстается с землею?
Иль мой оплаканный друг вспомнил на небе меня?

1829

МАЛОРОССИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Я ль от старого бежала,
В полночь травы собирала,
Травы с росами мешала,
Все о воле чаровала.
Птичке волю, сердцу волю!
Скоро ль буду я вдовою?..
Дайте, дайте погуляю,
Как та рыбка по Дунаю,
Как та рыбка с окунями,
Я, молодка, с молодцами,
Как та рыбка со плотвою,
Я с прилукой-красотою!

1829

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как у нас ли на кровельке,
Как у нас ли на крашенной,
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Не собравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,
В путь-дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь мы наигралися,
Здесь не ждать же вам гибели
От мороза трескучего!»
Государь ты мой, батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватает,
Меня ряженный сватает;
Поспешите, не мешкайте,
Меня поезду выдайте,
С хлебом-солию, с образом,
С красотой проходящею!
Мне не век вековать у вас,
Не сидеть же все девицей
Без любви и без радости
До ворчуньи, до старости.

1829

СЛЕЗЫ ЛЮБВИ

Сладкие слезы первой любви, как роса, вы иссохли!
— Нет! на бессмертных цветах в светлом раю мы блестим!

1829

УДЕЛ ПОЭТА

Ю н о ш а

Сладко! Еще перечту! О слава тебе, песнопевец!
Дивно-глубокую мысль в звучную ткань ты облек!
В чьих ты, счастливцев, роскошных садах надышался весною?
Где нажурчали ручьи говор любовный тебе?

Г е н и й п о э т а

Где? Я нашел песнопевца на ложе недуга, беднее
Старца Гомера, грустней Тасса, страдальца любви!
Но я таким заставлял и Камознса в дикой пещере,
Так и Сервантес со мной скорбь и тюрьму забывал!

1829

* * *

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

1829 или 1830

П О Э Т

Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли:
Мнится, с нами, людьми, их он не хочет делить!
Изредка — так ли, по воле ль небесной — вдруг запоет он, —
Боги! в песнях его — счастье, и жизнь, и любовь,
Все, как в вине вековом, початом для гостя родного,
Чувства ласкают равно: цвет, благовонье и вкус.

<1830>

* * *

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я,
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночью тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830 или 1831

НАБРОСКИ, ОТРЫВКИ И СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я вечер в саду, младшенька, гуляла,
И я белую капусту поливала,
Со пр'авой руки колечко потеряла;
Залилася я горячими слезами,
И за это меня матушка бранила:
«Стыдно плакать об колечке! — говорила. —
Я куплю тебе колечко золотое,
Я куплю тебе колечко с изумрудом».
— Нет, нет, матушка, не надо никакого!
То колечко было друга дорогого;
Милый друг дал мне его на память.
Любовь милого дороже изумруда,
Любовь милого дороже всего света.

1820-е годы

* * *

Пусть нам даны не навсегда
И жизнь, и жизни наслажденье,
Пусть как падучая звезда
Краса блестит одно мгновенье,
Да будет так! Закон богов
Без ропота благословляю,
А все на путь мой я цветов,
Как жизнь минутных, рассыпаю.

* * *

Т а с с о

Удались, ты также все сияешь
И в стране призраков и теней,
Ты и здесь, царица, всех пленяешь
Красотой могущею своей,
Ты опять в Торквато разжигашь
Страшный огонь, всю ревность прежних дней!

Удались, хотя из сострадания,
Мне страдать нет силы, ни желанья!

Е л е о н о р а

Бедный друг, божественный Торквато!
Прежним я и здесь тебя нашла.
Так, была царицей я когда-то,
Но венец как бремя я несла,
И в душе, любовью объятай,
Мысль одна отрадная жила,
Что тобой, певец Ерусалима,
Я славна и пламенно любима.

Т а с с о

Замолчи, молю, Елеонора!
Здесь, как там, мы будем розно жить.
Но сей скиптр, венец и блеск убора
Там должны ль нас были разлучить!
Устыдись сердечного укора:
Никогда не знала ты любить.
Ах, любовь все с верой переносит,
Терпит все, одной любви лишь просит.

* * *

От души ль ты, господин служивый,
Песни, ходя на часах, поешь,
Вспоминаешь ли отца и мать,
О девице ль горько слезы льешь,
Иль в забаву речи так выводешь,
Как весною соловьи поют.

* * *

На теплых крыльях летней тьмы
Чрез запах роз промчались мы
И по лучам ночных светил
Тебя спустили средь могил.
Гляди смелей: кладбище здесь;
Плакучих ив печальный лес
Над урной мраморной шумит.
Вблизи ее седой гранит
Едва виднеет меж цветов;
Кругом кресты, и без крестов
Лишь две могилы.

* * *

Мы весело свои кончали дни!
Что до чужих? Пускай летят они,
В двух сторонах экватор рассекая,
Но мы б, друзей под вечер оставляя,
Фортуне вслед не думали бежать.

* * *

И вещего баяна опустили
Сквозь запах роз и песни соловьев
Под тень олив, на ложе из цветов.

* * *

Когда крылам воображенья
Ты вдохновенный миг отдашь,
Прости земные обольщенья,
Схвати, художник, карандаш.

Богами на сие мгновенье
Весь озаряется дух наш,
Ты вскрикнешь: в тайне я творенья
Постигнул смысл, боги, ваш.

* * *

Певец Онегина один
Вас прославлять достоин, Ольга,
Его стихи блестят, как золото, как рубин,
Мои ж — как мишура и фольга.

* * *

Нет, я не ваш, веселые друзья,
Мне беззаботность изменила.
Любовь, любовь к молчанию меня
И к тяжким думам приучила.

Нет, не сорву с себя ее оков!
В ее восторгах неделимых
О, сколько мук! О, сколько сладких снов!
О, сколько чар неодолимых.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили, шутя: «Какое в *россиянах* чувство!»

1819 Совместно с Боратынским

ПЕВЦЫ 15-ГО КЛАССА

Князь Шаховский согнал с Парнаса
И мелодраму, и журнал;
Но жаль, что только не согнал
Певца 15-го класса.

Но я бы не согнал с Парнаса
Ни мелодраму, ни журнал,
А хорошенько б откатал
Певца 15-го класса.

Не мог он оседлать Пегаса;
Зато Хвостова оседлал,
И вот за что я не согнал
Певца 15-го класса.

(Теперь певцы поют сами)

Хотя и согнан я с Парнаса,
Всё на Песках я молодец:
Я председатель и отец
Певцов 15-го класса.

Я перевел по-русски Тасса,
Хотя его не понимал,
И по достоинству попал
В певцы 15-го класса.

Во сне я не видал Парнаса,
Но я идиллии писал
И через то уже попал
В певцы 15-го класса.

Поймав в Париже Сен-Томаса,
Я с ним историю скропал
И общим голосом попал
В певцы 15-го класса.

Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгребал,
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса.

Я сам, Княжевич, от Пегаса
Толчки лихие получал
И за терпение попал
В певцы 15-го класса.

Хотел достигнуть я Парнаса,
Но Феб мне оплеуху дал,
И уж за деньги я попал
В певцы 15-го класса*.

Кой-что от русского Парнаса,
Я не прозаик, не певец,
Я не 15-го класса,
Я цензор — сиречь — я подлец.

*1822 Сочинил унтер-офицер
Евгений Баратынский с артелью*

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович как кровный
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,

* В сенате — третьего я класса,
А здесь — в 15-й попал.

Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! Зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил!

1825 Совместно с А. Пушкиным

* * *

Наш приятель, Пушкин Лёв,
Не лишен рассудка:
И с шампанским жирный плов,
И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
Силою желудка.

Федор Глинка молодец —
Псалмы сочиняет,
Его хвалит Бог-отец,
Бог-сын потекает;
Дух святой, известный лжец,
Говорит, что он певец...
Болтает, болтает.

1826 или 1827 Совместно с Боратынским

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ДЕЛЬВИГУ

НА ИГРУ АРТИСТКИ ГОСПОЖИ КОЛОСОВОЙ М<ЛАДШЕЙ>

Ты дочь любимая и важной Мельпомены
И резвой Талии, ты создана пленять
И прелестью игры их храм одушевлять,
Как Амфион немые стены.

1819

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

МЕДЕЯ

*Трагедия в пяти действиях в стихах,
переделанная с французского
из театра Лонжпьера*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М е д е я, дочь Аэта, царя Колхиды, супруга Язона.

Я з о н, вождь Фессалийский.

К р е о н, царь Коринфский.

К р е у з а, дочь Креона.

Д е т и М е д е и.

Р о д о п а, наперсница Медеи.

И ф и т, наперсник Язона.

С и д и п п а, наперсница Креузы.

С в и т а К р е о н а.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ I

М е д е я

(одна)

Где я, несчастная? Весь дух мой возмущен!

Что зрела, слышала? то истина иль сон?

Не узнаю себя, бегу и цепенею.

Не слышатся ль мне шум и песни Гименею?

Так, торжеством Коринф гремит в своих стенах,

Отверсты храмы все, все алтари в цветах!

Пир, ненавистный мне, спеша, приготавлиют;

Все, все неверного с Креузой прославляют.

Язон — кто б думать мог? — Язон мне изменил;

От ложа он жену позорно удалил!

Что говорю — жену? Несчастная Медея!

Нет для тебя надежд! нет боле Гименя!

Неверный, разорвал он узы брака сам.
О боги-мстители, я прибегаю к вам!
Вы слышали его обеты, уверенье,
Карайте дерзкого, отмстите оскорбленье.
О солнце, ты ль меня оставишь в бедстве сем?
Тебе родитель мой обязан бытием;
Ты видишь от небес бесчестие Медеи
И светишь на Коринф? и зрят тебя злодеи?
Перемени свой путь, ты отврати свой зрак
И погрузи весь мир в смятение и мрак!
Или — твоих коней вручи мне с колесницей:
В прах все я превращу под мстительной десницей,
С их пламенем на Истм Медея упадет,
И разгромит Коринф и дерзкий с ним народ.
И страшный гнев ее, с самой природой споря,
Облегшие Коринф соединит два моря.
Но тщетные мольбы! и мне ль в моих бедах,
Мне ль помощи искать теперь на небесах?
Нет, вы, подземные богини эвмениды!
Придите вы опять Медеины обиды!
Всю к человечеству мы жалость умертвим;
Всю черноту волшебств здесь к трепету явим.
Пусть кровь дымящая, пусть мертвых бледны виды
На Истме то явят, что зрели средь Колхиды.
Нет! в злодеянии и то мы превзойдем;
Тогда, от младости неопытная в нем,
Душою чистою, невинной я любила,
Тогда длань робкую одна любовь водила,
Теперь и ненависть, и горесть, и любовь
Неистовым огнем мою волнуют кровь.
Чего сей лютый огонь, чего не предвещает?
Злодейство съединив, пусть нас и разлучает.

ЯВЛЕНИЕ II

Медея, Родона.

Медея

Ты знаешь, за любовь чем платит мне Язон?
И до чего, увы! простер измену он?
Креузу он избрал; их брак уготовляют;
А мне позор и смерть! — Когда сей брак свершают?

Родона

Царица! завтра брак желают совершить.

М е д е я

Как, завтра? краток миг! мне должно поспешить;
Воспользуемся им.

Р о д о п а

Жестокою судьбою
Вдруг столько горестей излито над тобою.

М е д е я

Но что сравняется с сей горестью одной?
Язон, кто б думать мог? Язон убийца мой!
Неверный, в торжестве с надменною царицей
Меня он, как рабу, влачит за колесницей,
Меня, которая пожертвовала всем:
Отчизной, счастьем, и тронем, и отцом;
Все с пламенной душой я в жертву приносила,
И от него за все одной любви просила;
Бесчеловечный! он и в ней мне отказал!
Но мало этого: Язон меня изгнал —
Под чуждым небом сим, в стране иноплеменной
Оставил преданной, бесславною, презренной,
Где за злодейства я жду мщенья одного,
А я злодейства те свершила для него.

Р о д о п а

За недостойное любви твое забвеньё
Оставь неверного, питай к нему презреньё,
И духа торжество ты над судьбой яви.

М е д е я

Но как торжествовать над властью любви?
Несчастливая! я все смущаю заклинаньем;
Мой всемогущий глас колеблет всем созданьем:
Над всем я властвую, все в силах побеждать,
Из сердца нет лишь сил неверного изгнать!
Любовь сильнее меня, не внемлет заклинаньям,
Смеется чарам и всем моим терзаньям!
Она в душе с изменником моим.
Люблю, что говорю? я вся пылаю им;
Вновь для него предать отечество готова,
Вновь для него пошла б скитаться без покрова...

Р о д о п а

Но вспомни — для кого? К кому питаешь страсть?
О! губительной любви мучительная власть!
Медея, о тебе нельзя не сокрушиться...

М е д е я

Родопа, но меня нельзя не страшиться!
Без кар никто не делал мне обид.
Но где теперь Язон? и что он говорит?

Р о д о п а

Увы! Креузы он колени обнимает,
Лишь с нею говорит и с нею лишь пылает.

М е д е я

Кровь вероломного Медея отомстит.
Умрет мой враг! и что за страх меня томит?
Давно ль и от чего Медея робкой стала?
Иль брата лишь убить рука ее дерзала?
Невинных поражать нетрудно было ей,
Так пощажу ль того, кто смертный мой злодей.
Пусть гибнет!.. но увы, какое ослепленье!
Чтоб он погиб, герой, любовь, мое творенье,
Предмет моих трудов, забот, злодейств самих.
Нет, нет, он не умрет, он мука дней моих!
Его Креон склонил на брак, мне не стерпимый,
В Креона обратим мы гнев неумолимый:
Тиран лишил меня супруга моего,
И месть ужасная да поразит его!

Р о д о п а

Умерь, царица, ты жестокое мученье;
Ах, удержись, иль скрой души твоей волненье!
Я слышу шум. Идут, сей нервный гнев сокрой.
Царица, вот Креон, враг ненавистный твой!

ЯВЛЕНИЕ III

Медея, Родопа, Креон.

К р е о н

Язон и дочь моя уже судьбу свершили,
И граду торжество их брака известили.
Медея! как твоя судьбина не грустна,
Язона и меня оставить ты должна.
Здесь радости твое лишь сердце потревожат;
Оставь сии места, пусть мук они не множат.
Покорствуя судьбе, оставь ты мой народ,
Пусть в пристань верную тебя судьба ведет.

Того Акаст, Коринф и просят, и желают,
И мир ценою сей друг другу обещают,
Сей мир положишь ты обытием твоим.
Вотще противился б я подданным моим;
К тебе их ненависть с днем каждым возрастает,
Их злобы и моя вся власть не обуздает.
Какой ярем народ в пылу не сокрушит?
Сей яростный поток чей остановит щит?
Ты, необузданных страшася исступленья,
В одном изгнании ищи себе спасенья.
То рок тебе велит, покой наш, жизнь твоя.
Вот что, для польз твоих, открыть счел нужным я.

М е д е я

За дивное твое благодарю старанье!
Супруга отнял ты, и на конец изгнанье
Ты ж назначаешь мне; скажи мне, за какой
Проступок мой у вас так милосерд со мной?

К р е о н

Медея ли своих не знает преступлений?

М е д е я

Но кто тебе вручил права для угнетений?
Тираны подданных насилием разят;
Коль сам судить меня ты хочешь унижаться,
То осуждай, или — позволь мне оправдаться.
Не знаю, что меня бесславит пред тобой,
Но вот мои вины: будь судия ты мой.
Я сих вождей спасла, бессмертью обреченных.
Цвет лучший Греции, богами порожденных.
Добыл ли без меня руно золотое он,
Сей образец вождей, сей славимый Язон?
Иль славу он мою сокрыл перед тобою?
Коль он на то дерзнул, так я сама открою:
В дубраве мрачной, где луч дневный не светил,
Ужаснейший дракон руно сие хранил.
Оно — священное Арея достоянье,
И исполнял дракон небесных завещанье.
Он сладким никогда не наслаждался сном,
И нестерпимым взор его горел огнем.
Равно и день и ночь он, гибелью грозящий,
Бродил неистовый и ужас разносящий.
Два яростных вола, созданье злых небес,
Оберегали вход в таинственный сей лес.
Дыханье их огнем окрестность заливало;
И необузданных, смирить их надлежало;

И должно было зреть — вдруг из змеи зубов,
Рождаемых землей, сонм яростных бойцов,
И, кровью дышащих, их победить ужасных!
Кто, смертный или бог, героев спас несчастных?
Я, победив судьбу, героев сих спасла,
Я сохранила их, я славой обрекла.
И, забывая всё: отечество, державу,
И собственный покой, и собственную славу,
В награду — я из них искала одного;
Владейте всем, а мне оставьте вы его!

Креон

Итак, по сим словам невинна ты душою.
Ужасных дел твоих — одна любовь виною.
Медея, чтоб спасти любви своей предмет,
Злодейством рук своих наполнила весь свет.
Но мы не чувствуем признательности правой.
Мы ей обязаны и жизнью и славой,
Эллада целая...

Медея

Обязана мне всем!

И подвигов моих не наградит ничем.
И что в притворной мне, бесчувственной к награде?
Я жертвовала всем Язону, не Элладе,
И слишком дорого купила я его.
За что ж меня лишать супруга моего?
Почто его, Креон, со мной не изгоняешь?
Виновны оба мы, за что ж его караешь?

Креон

Медея, воздержись невинных обвинять
И именем своим героя унижать.
Язон не разделял преступных замыслов.

Медея

Нет! — он пожал плоды с злодейств и преступлений,
Которых всех виной единственно был он.
Коль я преступница, преступник и Язон!
Почто ж, тиран меня одну ты обвиняешь?

Креон

Медея! ты мой гнев невольно возбуждаешь.
Страшись!

М е д е я

И ты, Креон, давно мой возбудил.
Иди, не помышляй, чтобы меня склонил
Вымаливать твое презренное жало.
Мое ты отнял все, но мне осталось мщенье

К р е о н

Ах! долго гневу я противиться хотел.
Оставь, скиталица, немедля свой предел,
Избавь собой ты нас ужасного создания;
Здесь воздух заражен от твоего дыханья.
Очисти ты Коринф, и в варварских странах
С злодейством выдвори ты Божий гнев и страх.
В Колхиде рассевай и ужасы и чары,
Там ускоряй небес медлительные кары.
Беги — и навсегда оставь ты мой предел,
Чтоб с утренней зарей я здесь тебя не зрел.
Или — останься здесь, презри мои веленья,
И завтра здесь падешь ты жертвою мученья!
Решись и избирай.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Медея, Родона

М е д е я

Тиран, решилась я!
Так, завтра не узрит меня земля твоя;
Но не гордись еще, я удалюсь со славой.
Воздвигну я себе здесь памятник кровавый,
Который с трепетом народ узрит:
В прах мстительный мой гром град сей обратит.
Но как? ужель и он, и сам Язон коварный,
С Креоном согласишься?..

Р о д о п а

Вот он, неблагодарный.

М е д е я

О ты, которая зришь скорбь души моей,
Любовь, что чары все пред властью твоей!
Ах, умягчи его, наполни грудь Язону,
Или — дай власть твою моим слезам и стону!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Язон.

М е д е я

Итак, все кончено: супруг — врагом мне стал,
С Креоном согласясь, он сам меня изгнал.
Изгнание, Язон, ты помнишь, мне не ново.
И прежде на него твое решило слово.
С тобой бежала я, сражалась с судьбой,
Всё для тебя, Язон, — и изгнана тобой!
Нет нужды! Ты велишь — мне должно покориться:
Тебя оставлю я! — Но где, скажи, мне скрыться?
В Европе, в Азии ль пристанище найду?
Не за тебя ль весь мир ведет со мной вражду?
Везде закрыт мне путь, везде найду гоненье
За страсть мою к тебе и за твое спасенье.
Ты помнишь — для тебя я жертвовала всем;
Ты помнишь то, и вот благодаришь мне чем!

Я з о н

Не укоряй меня несчастьем неперменным;
Повергнуты в него мы небом раздраженным.
Делю все горести, все бедствия с тобой,
Но отвратить я их могу лишь сей ценой;
С богами мощными бороться нам напрасно.
Судьба твоя, детей тягчит меня ужасно;
Коль не Креуза бы и благостный Креон,
То я...

М е д е я

И смеет так мне говорить Язон?
Неблагодарный! Чем себя ты извиняешь?
Креона с дочерью ты мне предпочитаешь?
Каким они добром, ценою дел каких
Купили над тобой прав более моих?
Я честь тебе и жизнь один ли раз спасала,
Как на тебя судьба всей злобой восставала,
Когда, летя в Колхос с дружиною своей,
Ты был игралищем и рока и морей?
Вспомни о бедах, главе твоей грозивших,
О чудах яростных, о тучах, огонь дождивших.
Кто все их укрощал, дракона усыпил?
Кто наконец руно сие вручил?
Все мало! Для тебя, Медея, без возврата

Покинула отца, исторгла жизнь у брата;
И все то делала, чтоб счастлив был Язон.
Что ж боле для тебя соделал сей Креон?
Креузе ль боле ждать твоих благодарений,
Коль жизнь твоя есть цепь моих благодарений.

Я з о н

Их память глубоко в душе моей живет
Язон ее с собой в могилу понесет.
Когда бы в сей душе твои читали взоры,
Ты б ужаснулася, оставила б укоры.
Но слаб тебя, судьбу разящу, одолеть,
Я что бы для тебя мог сделать?

М е д е я

Умереть!

Иль славы сей тебе еще казалось мало?
Пример тебе подать мне б мужество достало.
Бестрепетной рукой пронзив сама себя,
Еще б я славы путь открыла для тебя.
Чего ты стоишь мне, о том не вспоминаю.
Нет, к сердцу твоему я путь вернейший знаю.
Забудь, бесчувственный о жертвах жизни всей,
Но вспомни, вспомни ты хоть о любви моей.
Паду к ногам твоим, у ног твоих рыдаю...
Ах, именем любви, которою пылаю,
Которая дала тебя душе моей
И даровала нам хвалу семейств, детей,
Их именем молю, твоими сыновьями;
Тронися; нет, не мной, тронися ты детьми;
Не покидай ты мать, коль любишь чад своих;
Все узнают тебя в чертах младенцев сих.
Увы! Какой удел их, сырых, ожидает!..
При виде их тоска мне сердце раздирает.
В них вижу я свой дух, твою в них вижу кровь;
И тем бесценнее твоя ко мне любовь!
Спаси со мной детей, тронися их судьбою.
Представь, когда пойдут в изгнание со мною;
Что ждет их?

Я з о н

Не страшись об участи ты их.

Я б умер с горести, изгнав детей своих.
И взора и души они мне утешенье;
И перенес ли б я столь горькое лишение?
Ничто не разлучит их с нежностью моей!

М е д е я

Как? хочешь ты лишить меня детей?
Моих детей — предать ты мачехе дерзаешь?

Я з о н

Напрасно ты себя сей мыслию смущаешь.
Я счастья им хочу и знаю, что их род
Честь, им приличную, в Коринфе обретет
Под кровом царственным и под моей защитой,
Всю славу сохранит их крови знаменитой.
Своими милостями Креон их наградит,
И с ними собственных он внуков съединит.

М е д е я

Нет, лучше во сто крат им смерть, чем униженье!
Как? кровь мою обречь на рабское служенье!
И, посмеывая над отраслью богов,
С Сизифа пламенем — зреть Солнцевых сынов?

Я з о н

Но не имею сил я с ними разлучиться,
Отдать их — все равно, что жизни мне лишиться.
Нет, не решаюсь я... и без детей моих...

М е д е я

Довольно! кончено! оставим речь о них.
Но вспомни, рассуди, что ты предпринимаешь,
Меня лишая их, чего себя лишаешь?
Один их вид мой гнев против тебя смирял.
Отняв их, свой покров последний ты отнял.

Я з о н

Желал я облегчить души твоей печали,
Не мысля, чтоб слова мои их умножали.
Тебе я тягостен. Но время, может быть,
Успеет истину очам твоим открыть;
И за поступок мой признательностью вечной
Сама ты мне воздашь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Медея, Родона.

М е д е я

Воздам, бесчеловечный,
Воздам за все тебе ужасною ценой.
Позором отягчив несчастный жребий мой,
Меня ты счастья последнего лишаешь,
У матери детей, безбожный, отнимаешь...
Всё кончено: страшись! И завтра, о злодей,
Ты позавидуешь мне в участи моей!

Конец второго действия

МАККАВЕИ
Трагедия Гиро

А К Т III

ЯВЛЕНИЕ I

Саломия, пять братьев, Елиодор.

С а л о м и я

Как! Сын мой! Ефраим богов иноплеменных
Дерзнет почтить в местах, их игом оскверненных!

Е л и о д о р

Ты в том уверишься! взгляни, уж твой народ,
Мной созванный, сюда со всех сторон течет
И сей чертог толпой несметной окружает.

С а л о м и я

Мой сын, ты говоришь, корону принимает?

Е л и о д о р

Так, здесь ее и честь он примет от царя.

С а л о м и я

Не верьте сим словам, о дети, о друзья!
Тень Ааронова его не постыдится,
И чистою на нем тиара сохранится,
Иль, как Елеазар пример преподал нам,
Уступит он ее одним лишь палачам.

Е л и о д о р

Верь, скоро ты в словах моих не усомнишься.
Сама их истиной в сем месте убедишься,
В его покорности уверен государь.

С а л о м и я

О, сына более мать знает, чем твой царь:
Мой сын — хранить отцов святыню не престанет,
Он братьев, он меня, он Бога не обманет,
Что Ефраим готов богам сим честь воздать,
Меня б вотще пришел сам царь твой уверять.
Как мыслишь ты, Нептал, ты, с ранних лет за братом
Летавший на врагов с губительным булатом?

(Забулону)

И ты, его делам дивившийся в боях,
Что он изменит нам, ты чувствуешь ли страх?

Н е п т а л

.....

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОЖДЕНИЕ ЛЕЛЯ ПЕСНИ МОЛОДОГО БАЯНА

1

Я ходил молиться богам, сперва небесным, там земным, а там подземным и просил их научить меня сладостно петь. Но сколько жрецам ни раздарил я овечек и коз, всё ж надо мной смеялись пастушки. Глупец, мне давно бы пойти к Лелю. Он услышал мои молитвы и кинул несколько искр в мою чашу, мед закипел, и я с тех пор воспеваю Леля и чаще пляшущим девушкам пою под лад его рождение, они улыбаются и хвалят Баяна.

2

Что б мы были без вас, прелестные, с вами и пустынная природа теряет свою дикость, и птички поют сладостнее, и мы дышим дыханьем бессмертных. Послушайте повесть мою. Прона выучил внучку свою Ладу волшебству, сим волшебством она отвлекала богов от богинь, перед всяким летала призраком и мучила пустыми желаниями, а в богинь поселяла ревнивость. Только поцелуй мог разрушить очарование, и гонимая Лада тайно испустилась на землю. Около горящего дуба лежали дикие обитатели земли, ужасные песни прославляли убийство, и победители пили кровь из черепа вражеского. Лада явилась пред ними, и они устыдились своей жестокости и познали благодать бессмертных в нежных объятиях дев.

3

Поверьте мне, милые, ясное зеркало вод опаснее шумящего потока, одно устрашает нас, другое привлекает. Никто из богов, лежа на пуховом облаке, не знал, куда скрылась Лада, и летучий Догода, от которого она не скрылась и даже позволяла дитяте завивать падающие на груди ее кудри, о всем рассказал им, и боги и богини полетели на землю. Боги — похитить поцелуй, а богини — из ревности запрятать волшебницу Ладу.

4

Резвитесь, пастушки и пастушкí, кружитесь, схватившись руками. Без резвости и красота не красота. Мерцана из небесных чертогов привела за полную ручку летуна Догоду: «Вот тебе, прелестная Зимцерла, — сказала она, — вот любовник твой, забавляйтесь, а под вечер я приду за ним». Но прелестная Зимцерла и не глядит на него. «Ты изменил сестре моей Ладе, изменишь и мне! Поди, ветреник, не тронь моих цветов. Я и без тебя буду забавляться пестренькими бабочками. Поди, ветреник, не тронь цветов моих». Он вздохнул и понесся, а ее цветы стали завядать от жару солнечного. Зимцерла вздохнула, и в кусточке что-то вздохнуло. Она уронила слезку, а Догода унес ее на розу и с улыбкой обнялся с Зимцерлой.

О властолюбие, что не делают для тебя и бессмертные и смертные! На просвещенный Ладюю народ кидается Лед с мечом обоюдоострым. Незвестный воин, весь покрытый железом, защищает его. Лед ударяет по забралу, забрало поднимается вверх и лицо Лады блеснуло под закрывающимся железом. Исступленный бог схватывает за узду Ладиного коня и обнимает латы, пустые латы на него падают, и молоденький кролик скрывается в кустарнике.

Послушайте, молодые любовники, послушайте, что вам молодой Баян поет. Обманчиво время, а женщины обманчивее и времени. Наши деды, певал Святославов Баян, называли их колдуньями, которые устрашают вас в длинные вечера на посиделках, о девы и юноши. Ужасный Лед хотел похитить у Лады поцелуй, уж она находилась в его объятиях, как, превращенная в белого кролика, сокрылась она в кустарнике. Лед наклонился к кустарнику и выгнал уж не белого, а черного кролика. «Не укроешься!» — кричал он и загнал его в темную пещеру, где вместо кролика кто-то обнял его. «Это ты», — прошептал он и ловил уста ее; но это была Яга, жена его. Тщетно вырывался он из объятий ее; она держала его и осыпала его укоризнами.

Не беги меня, Людмила, я более не буду принуждать тебя сказать мне «люблю». Быть насильно милым нельзя, говорит старинная песня.

Святовид хотел поцеловать Ладю, она убежала его. Лада превратилась в пастушку, он в пастушка; из его объятий она улетела бабочкою, а он пестреньким мотыльком хотел свиться с нею; но хитрая замочила ему крылья, превратяся росую, и он упал меж колючим шиповником. С тех пор Святовид перестал превращаться и улетел в свое солнце.

.....

НОЧЬ НА 24 ИЮНЯ

Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.
Шекспир

Сцена 1-я

Деревенское кладбище с двумя или тремя каменными памятниками.
Подле одного памятника разрыта могила, около нее летает бледное пламя.
В ногах могилы пламя останавливается, разгорается и освещает темную человеческую фигуру.

Он

Встань, старый грех! Пора! Разоспалась ты и позабыла клятвы! Им исполнение наступило! вставай! Иль как уж раз заснешь сном человеческим, последним и невольным, то и не хочется проснуться? Так не давала бы заране слова! вставай и пойдя за мною.

Мертвая

Ой, ой, ой! Кто будит жизнь в умерших членах? Его слова дыханья смерти холоднее! Пред ними сырость гроба сладка, как для живых младенцев теплота родимой груди. Встаю, могучий! Движуся всем телом, как живая, разделяю с усилием запекшиеся веки и гляжу. Кто ты?

Он

Я черный барин, как меня зовут о Масляной паясы. Иль, проще, будочник кладбищный. Да, впрочем, тебе какое дело до меня?

Мертвая

Я ж кто была? За какие клятвы ты меня тревожишь, страшный!

Он

Вот это иное дело! Я расскажу, послушай! Да не прими рассказа моего за сказку и не засни опять! Не для того тебя я разбудил, нет, вспоминай, чтоб знать что делать. На всякий случай выдь-ка из могилы, не ленися!

Мертвая

Ох, говори, не мучь меня, проклятый!

Он

Ты была не чудо! Просто нянчила в соседстве с сим кладбищем ты злую дочь помещицы княгини Пронской! Дочь вышла замуж, и ты с ней отправилась жить в поместье князя Серебренова, ее мужа, а там и умерла!

М е р т в а я

Помню, помню!

О н

А помнишь ли, воспитывалась с нею вместе подкидыш-девушка, которую они как барышню учили и как служанку презирали?

М е р т в а я

Марию? помню.

О н

Как приехал, окончив заграничное ученье, князь молодой и влюбился в прекрасную Марию?

М е р т в а я

Святые души! им бы жить и царствовать и нас своим примером умудрять.

О н

Да немцы помогли нам! в нем ум и душу настроили высоко, не по земному ладу! Он обольстил смиренницу и матушку княгиню поздравил с надеждою быть бабушкой!

М е р т в а я

Ох, грешница! Злой демон, что ты мне вспоминаешь?

О н

Дослушай, не тревожься! Матушка княгиня в тот же вечер тихонько посадила невестку будущую в бричку и отослала к вам на попеченье. Нрав дочери любезной вполне она ценила! Сына же в бреду горячки отвезла в столицу и записала в службу.

М е р т в а я

Ох!

О н

Не говори и не мешай мне досказывать! Княжна-дочка невестку приняла, как добрая родня! Не правда ль? Ей отвела богатые покои — в людской, заставила работой княжеской заняться — мыть полы и грязную посуду, а поутру и ввечеру ее в разлуке с другом утешала побоями с колкими словами.

М е р т в а я

И, бедная, как чистый дух, сносила, улыбаясь, и огорченья и труды, страдала только за душу его и за невинный плод любви их!

Он

Хорошо! Так помнишь ли, как чистый дух твой потерял терпенье? Как на смертном ложе, с младенцем мертвым на руках, она твою княгиню просила перестать ругаться над ее несчастьем и в исступленье наконец пришла.

Мертвая

За нее я, грешница, молила тоже!

Он

«Не женщина, а изверг! — воскликнула Мария. — На краю могилы я клянусь, и клятву умирающей услышит небо. Дотолка с телом мертвым не расстанусь и не уйду в жилище душ, пока тебя рождающую не увижу, пока руками мертвыми младенца твоего я не приму и в моей могиле не постелю тебе постели!» Сказав, упала на войлочное изголовье и, как говорите вы, преставилась.

Мертвая

Злодейка, погубила душу бедной Марьи! Я ж грешная!

Он

А, а! ты помнишь!

Мертвая

Я упала целовать у мертвой руки и поклялась ей про себя помочь ей до кладбища дотащить змею, взлелеянную мною, и мертвым голосом ее в могиле убаюкать! Ах, грешная! увы мне!

Он

И час настал! Доселе каждый вечер землей не принятое тело из могилы тискамы ведьмы на гору лысую и только месяц бледным светом жизнь сонную в нем пробуждал, они огонь мщенья питали в нем, и разжигали, и берегли. Там и теперь мы их найдем! Твою княгиню взбесившись, лошади теперь несут, слуга упал и колесом раздавлен, кучер, в вожжах запутанный, тащился долго по ручью и захлебнулся, у кладбища в щепы карета раз летится! Пойдем, ты видишь — надобно спешить нам!

Мертвая

Лукавый! Ах, грешница, увы мне!

Сцена 2-я

Лысяя гора близ Киева, на вершине ее лежит мертвое тело Марии
по горе толпятся старые и молодые ведьмы,
в половине сцены показывается полный месяц.

(Они поют)

Разлилися воды
На четыре броды:
Как на первом броде
Рося зацветает,
Соловей щелкает;
На втором-то броде
Лето весну гонит,
А кукушка стонет.
Как на третьем броде
Кони-легконожки
Полетят с дорожки.
На четвертом броде
Свет-девица плачет,
За неровню идучи,
Сердцем лихо чуючи.

1. Здорово, кумушка! 2. Здорово, сватья! 3. Откудова, сестрица? 1. Ох, я устала, я устала!